

СМЕНА

В июне этого года произошло радостное событие. Трудящиеся Besarбии и Северной Буковины, долгие годы томившиеся под игом румынских бояр, вошли в семью народов могучего Советского Союза. На землях, насильственно отторгнутых в 1918 году от Советской России румынскими оккупантами, возникла новая, свободная, советская жизнь. Распрямились плечи, поднялись высоко головы новых советских граждан, вновь обрели свои отчизны, которая как маяк светила им в темные годы злата и бесправия.

Вот паранская (крестьянская) дача. Рисунок этот — не вклад мичков фантазии художника. Здесь, в этой уютной конуре, долгие годы жил со своей женой и детьми ребятами бессарабский крестьянин села Васильевы Хотинского уезда, А. С. Б—ка.

На рисунке есть надпись. Она же по словам А. С. Б—ки, рассказывает о том, что вместо этой уютной дачи в последние годы разрушена была вятская дача в одной из деревень, и хаты. Другие колоны развалились, и не было даже соломы, чтобы покрыть крышу.

А. С. Б—ка прислал письмо с этим рисунком в прошлом году своему родственнику, живущему в СССР. В письме рассказывал, что не только его семья страдает, что румынские захватчики разоряют крестьян и почти все семьи состоят из таких жалких, разваливающихся костей из таких жалких, развалившихся костей да хаты.

Об ужаснейшей нищете в Besarбии убедительно всего говорит цифры, которые привел писавший в прошлом году также и цифры. В бессарабских деревнях живет 2,728,000 человек (из общего количества 3,112,000 жителей). Больше половины населения умирало от истощения, семьей детей умирало от истощения новых болезней и истощения. Существование людей пошлоало, что более 87,000 крестьян болели туберкулезом, 80,000 малярией.

Только за верные 15 лет владения румынских бояр количество слепых и безногих и сирачьих хандаластов соинишек и сирачьих хандаластов соинишек.

Только все это — прошлое. Кабулы и мечтания нищеты и бесправия бессарабского народа.

На снимках запечатлены первые дни в освобожденном крае.

Сверху вниз: 1. Население города Кишинев приветствует парад частей Красной Армии.

2. Молодой молдаван Константин Кожан из села Бульбока (Бендерский уезд) с интересом расспрашивает старшего политрука С. И. Костяхова о жизни в Советской стране.

3. Румынские солдаты, возвращающиеся в родные села, знакомятся с красными бойцами.

Наверху и внизу страницы — образцы бессарабских ковровых узоров.

На обложке: ленинградская школьница Оля Байкова исполняет классический танец. Фото Н. Штерцера.
На обороте обложки: туристы на Цейском леднике. Фото А. Миссюра.

Братские узы, связывающие народы СССР с народами Латвии, Литвы, Эстонии, Бессарабии и Северной части Буковины, отныне закреплены навечно.
Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, идя навстречу желанию этих народов, постановил принять их в счастливую семью трудящихся СССР.

Фото Ф. Каслова.

На Седьмой Сессии Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик I-го созыва. Депутат Верховного Совета СССР дважды Герой Советского Союза И. Д. Папанин среди членов делегации Литовской ССР.

Под нашим солнцем

Есть мудрый сказ; от корки и до корки
Его, конечно, всякий прочитал.
Его сложили в былые годы Горький,
Но лишь теперь он мне понятен стал.

Он будет жить отныне и навеки
И прозвучит в грядущем, как сейчас;
Он будет говорить о человеке,
Чье сердце светит нам и греет нас.

Под нашим солнцем всем найдется
место,

Кого б следя судьба ни привела:

На всех — литвина, латыша и эста,
На всех достанет света и тепла!

Не смущай доли радости и выше,
Но это счастье каждому дано:
За каждой дверью и под каждой крышей,
Как пламя жизни, теплится оно.

В тиши полей, в громах чреве танка,
В стихах поэта, в чем ни назови, —
В любом из нас падает сердце Данко,
Живая искра сталинской любви.

АРКАДИЙ ШТЕЙНБЕРТ

го внимания. Он пристально и сухо разглядывал лица, которые достали столько удовольствия инспектору. Затем он вышел вперед, сложил брови в коих-то пальцах на белом жилете и заговорил, гудя все удивленно.

— Папаше! Я сидел при деле рекреации и слушал разговоры учеников русской гимназии. И я подумал: где и себя нахожу? Чи ли я нахожусь себя в Европе чи ли в Индиях? Ученики русской гимназии ведут себя не как просвещенные люди — нет! Они ведут себя как бескультурные козак!

Господин уполномоченный сделал значительное лицо и сухо осмотрел притихший класс.

— И я сказал его реверенции яву козляку какому: «Они не суть япановаты. Нет! Они не суть япановаты!»

Уполномоченный нахмурил над глазами к небу. «Его реверенция» поднял кивнул головой.

Япановата есть та Москва, которая их выдала и наушу гробу и якому себя повелению. Япановата есть та Россия, которая научила своих молодых тут небойрой мысли, где они суть наместный народ, лучший за других народов.

Уполномоченный благодушно улыбнулся собственному красноречию.

— Терза к вам пришла Европа. К вам пришла цивилизация и науша гробу и якому себя. Вы даже не мечтали себе от детской улыбки. Кажется, император московский Петр застрелил борды своим надувающим полководцем, же бы он не учил вас цивилизации. Мы будем также вас научать. Мы вас предшо разучим от послания семектов и разграблениа чужих майнотков.

Господин уполномоченный посмотрел на козла, который сдвинул головой едва заметный нетерпеливый жест.

— Будем кратки! — объявил уполномоченный. — Здесь случились некоторые околицности. Мне бесконечно от них в этом классе, где найден портрет большевского сатрана, комиссара Волдарского.

Козла завалил головой. Довгало сложил руки на груди.

— Мы будем расследовать это дело с большим вниманием. Прошу япанов запомнить, что я сказал. От сего дня будут новые уроки, напричала гимнастическое обучение, обучение моральное, история отчины. Здесь имеются ваши старые камараты (кивок к старости Довгало), которые забыли себя яву. Главно — як то доверие! Доверие и доверие!

Господин уполномоченный оглядел класс.

— Что я вижу? — сказал он вдруг. — Для чего два молодых не имеют места?

Лионян Гартинг поднял руку.

— Разрешите сказать? — спросил он попольски.

Лицо уполномоченного расплылось в широкой улыбке.

— Говори, мой мальчик! — сказал он.

— Сегодня мы с братом выжились в гимназию впервые после ухода большевиков... Наши места оказались заняты.

— Кто же их занимает? — спросил уполномоченный.

— Их занимает господин Штейнберг, отецканя Лионян.

— О — сказал уполномоченный, — разве то есть добро спорить себя из-за принципа места? То не есть добро. Кто-то один повиснет уступит.

— Как твоя фамилия? — спросил козла.

— Лионян Гартинг, а это мой брат Ренис. Рот уполномоченного превратился в нечто похожее на букву «о». Он застыл на месте.

— Дети — сказала истя — то — то — говорю. Господин Штейнберг ведет себя с явном.

— Так, — оминулся уполномоченный, — я мыслю, же то есть полный вызов! Империториции! Господин Штейнберг обязан уступити.

Он поглядел на Довгало. Довгало, не различая скрещенных на груди рук, подошел к Штейнбергу.

— Ну! — сказал он. — Чесночки! Ты желалешь драться против Ренис Посполотий?

— Лазарь сделал шаг вперед.

— Подождите, господа! — сказала он — Довгало, отойдите к стороне. Штейнберг, прошу вас, уступите.

— Вы настаиваете, Лазарь Петрович? — спросил Штейнберг.

— Я... гм... я советую вам уступить, мой до- рогой!

Лазарь улыбнулся и сверкнул зубами из-под черных усов.

Штейнберг так же улыбнулся, собрал книги и присоединился к Амбрауанусу на последней парте.

— Я знаю моих мальчиков, — сказал Лазарь чиновнику.

— Гм, то вернее, же они знают вас, — сухо ответил чиновник, — но яех будет конец: приступайте к учению. Пав каноники!

— Простите! — вызвал козла.

Вышел Янка Яков, известный под странным прозвищем «Янка Бодый-Сдохнеш». — Читай молитву.

— «Пробудити господа, — забубнил Янка, — ниспошли нам благодать духа твоего святого, деструющего и укрепляющего!»

— Стой!

Янка остановился в полном недоумении.

— Явное так?

— А как? — спросил Янка. — Я... родителям же намим на утешение, церкви и отчету на пополь...»

— Стой! Как фамилия?

— Быков.

— Ах, Быков... На место!

Козла взял из рук «Янку» классный журнал и стал водить по нем пальцем.

— Кучинский!

— Я!

— Завещ молитву?

— Не знаю, где добродее!

— Не знаешь? Зборонирский!

— Я!

— Можешь прочесть молитву?

— Неужели не знаешь даже «Патер ностер»? Вылезл молчал.

— Кто из католиков знает молитву?

Молчал.

— Свента япаню Марин! — вдохнул козла и подлая отки к небу.

— По за окрестисы! — в ужасе прошептал уполномоченный.

Козла перекрестился полной горстью и стал сам читать молитву.

— «Pater noster qui est in coelis...»

Лионян Гартинг набожно сложил ладони.

«Его реверенция», не меняя позы, прочел еще краткую молитву за «полноту, целостность и независимость отчины, за армию польскую и за здоровье начальника государства генерала Пилсудского».

Затем козла вынул из-за борта сутаня четверо сложенную бумажку, подошел к Зборонирскому и вынул одну бумажку в грудь.

— Возьми, сын мой, — сказал он, — я как бы предчувствовал, что увижу такую убогую картину. Здесь написана латинская молит-

ва перед учением, которую вы, как коллегианты, все обязаны знать. Ученики католического вероисповедания будут ее читать поочередно ежедневно (Глядя на Лазаря) И это все, нам instructed! Можете начинать уроки.

— Вставай! — заорал «Гусь»,

Загрохотали откинутые доски парт. Процессии покинула класс в том же порядке, как и вошла.

Остались только «Гусь» и Довгало.

— Выходи строгий! — крикнул «Гусь».

Довгало остался посреди класса в позе Наполеона со скрещенными за груди руками.

— Гартинг-старший! — позвал он.

Вышел Ренис. Довгало кивнул ему головой.

— Пошли! — сказал Ренис. — Оставайтесь в классе. Другим япаню идут с япаню Книго, — «Другим япаню» проведовали с «Гусем» в коридор, откуда парам прошли в большой холостой гимнастический зал. Довгало шел в хвосте, внимательно наблюдая, чтобы никто не отставал.

— Смирно! — командовал «Гусь», — Господин Довгало!

Довгало прошепал вдоль замурованной перегородки.

— Вы слышали, что сказал пан уполномоченный? — спросил он. — Теперь у нас будет дисциплина. Дисциплина и дисциплина! Никаких классов комитетов! Сейчас начинается урок обучения войсковому. Учить все буду я... то есть учить будет пан Книго, а я буду ему помогать, Штейнберг!

— Я, — сказал Антос.

— Что ты вынул из глаза? Не уважьешь польских легионов?

— Я ничего...

— Ничего? Я покажу тебе «ничего»! Ты у меня попольски, Райхман!

— Я!

Собственно говоря, Бронислав Довгало и сам не знал, зачем ему понадобилось высокий, костлявый, сутулый Райхман. Он подошел к ученику, посмотрел на него внимательно и хмуро проворчал:

— Пос горбатый... Ты подслушал портрет Волдарского.

Райхман молчал.

— Завел себе очки! Думаешь, что умный! Ты болван!

Райхман не отвечал.

— Ваши все болваны. И... и нахалы. Национальная нация.

Райхман вздрогнул, но промолчал.

— Эге! — сказал Антос.

— А ты — закричал Довгало, оборачиваясь к Кондратовичу. — Ты какой нации?

— Белорус, — отвечал Антос.

— Нена такой нации! Запомни.

— А какой же я нации? — спохобно спросил Антос.

— Дурак! Ты холостой япаню.

— Запомни, — сказал Антос.

Господин уполномоченный сделал значительное лицо и сухо осмотрел притихший класс.

— Твой отец машинист. У нас там, на железной дороге, гнездо красных. Вы все комсомольцы. Мы вас уничтожим.

— Попробуй, — невозмутимо ответил Антос.

— Амбарнаус!

— Я!

— Ты какой нации?

— Литовец!

— Нет.

— А... сказал сказал Довгяло, — литвин-жумд-грэнь — медвежья задница. Измайлович, ты?

— Татари.

— Ты подосуну?

— Нет!

— Татаре — покупаем старье! — пропел Довгяло. — Ступай на лиц, подай кумис. Асаджан, ты?

— Аранини. Не!

— Каранет! — обрадовался Довгяло. — Фистанкин торгуешь. Лейбах!

— Немен! Не а!

— Герман-шурман — шаная утроба!

На очереди у Довгяло был еще Петерсон (слитын-кужин — кильку кунинь), но, повидавшему ему уже надоели эта светская забава.

— Довольно, — сказал он, — у нас не обучение моральное, а обучение войсковое. Пан Кино, приступайте!

Урок обучения войсковых заключался в том, что «другие нации» маршировали пальцы стеной, высоко задирая ноги, и поворачивались на ходу, не теряя равновесия.

— Бресски! — кричал Довгяло. — Обрут! Разом! Стой! Еще раз — марш! Обрут! Выпяти ны дзыбл! Почему ничего не выходит? Штейнберг!

— Я.

— Три шага вперед.

— Иван Иванович, — сказал Асик, — кто командует — вы или Довгяло?

«Гусь» свачала ошейя. Потом сделал шаг вперед. Затем шаг назад. Наконец, он побогривел.

— Я! — заорал он. — Довгяло! Да! Вы! Кто? Командит!

Ответ был крайне невразумительный. Штейнберг покачал головой и сделал три шага вперед.

— Почему путаетесь? — крикнул Довгяло.

— Я не понимаю команды.

— Ага-а, — протянул Довгяло, — вельможный пан Штейнберг — ужасно образованный мужчина. Он изучает разные языки. Немецкий, французский, русский. О! Пан Штейнберг очень любит русский язык. Все у него по-русски. Может быть, образованный пан Штейнберг объяснит мне, какой он нации?

— Еврей, — отвечал Асик, ожидая получить в ответ традиционную присказку типа «свиное ухо» и так далее.

Но мысли Бронислава Довгяло шли по другому пути.

— Барзюо интересантно, — сказал он, — почему же пан Штейнберг говорит не по-еврейски, а по-русски?

— Потому что мой родной язык русский, — ответил Асик.

— А где же отчина пана Штейнберга?

— Моя родина — Россия.

— Почему же пан живет не в России, а в Польше?

— Я живу не в Польше, а в Белоруссии.

— Барзюо, барзюо интересантно! Белоруссия — такого края нет. Есть «кресы вхолоде». Пан живет в Восточной Польше. Пан не заметил Душевное жалюо пана.

— Благодарю вас, — сказал Асик.

— А знает ли пан, что такое евреи в Польше? Пан, наверное, не знает. Евреи в Польше — неужликий народ. Скоро мы их выгоним.

— Серьезно? — спросил Асик.

— Так, пан! Нам ненужны ученые-иностранцы. Пан Штейнберг должен учиться по-русски. Мы языку, а обучению войсковому. Мы не дадим тебе заниматься русским языком. Ты будешь у меня шагать на месте — вот так — два часа подряд, пока из тебя не выйдет ученый дук и пока ты не обвинишь мне, что подосунулет большевистского комиссара! Остальные — смирно!

По шерегам «других наций» прошел легкий шкряп Довгяло накурнулся:

— Кто недовольен?

— Молчане.

— Пан Алескута! Вы тоже не понимаете польской команды?

— Не понимаю! — деревянным голосом сказал Алескута.

— Вам тоже нравятся русский язык?

— Нравится, — сказал Алескута.

— Три шага вперед. Так. Теперь, паны Штейнберг и Алескута, на месте шагом марш! Штейнберг и Алескута замаршировали на месте.

— Выше ноги! — кричал Довгяло. — Руками даянать! Больше даянать руками! Почему у пана такой кислый вид? Браве! Раз-два-три! Остальные — бач-носсы! Смирно, ваншуд, марш!

«Другие нации» не сдвинулись с места.

— Что? — грозно крикнул Довгяло, — я сказал «марш».

«Другие нации» смотрели прямо перед собой, но не делали ни одного движения.

— Иван Иванович! — заорал Довгяло.

— Да! Я! Что! Как? — ответил «Гусь».

— Я из вас съелюо кислое молоко с картофелью! — продолжал Довгяло, обращаясь к ученикам. — Будете обучаться или нет?

«Другие нации» не отвечали. Штейнберг и Алескута продолжали механически маршировать, размахивая руками и задумчиво глядя в окно.

— Так, — угрозою сказал Довгяло, — пан Кино, вы учитель, ведите урок.

— Я? Сейчас. Смирно! Все останутся. После уроков. На два часа. Да! Что? Разойтись! Так неожиданно кончился урок «обучения войсковому».

Спустя час во дворе гимназии Довгяло говорил своему другу, однокласснику и единомышленнику Игнату:

— Скажи, Игнат, можно ли считать, что я неправильно поступил с иностранцами?

— О, ты поступил правильно, но они суть изменники.

Лазарь прошел через двор меллешой, важной поступуло, в элегантном пальто и вышном шарфе, усевшим фантастическими горошинами.

Он остановился посреди двора и поглядел на окна асиковского парадельногого, в которых торчали знающие лица: хитрин смуглая мордочка Кольки Яна, и очкастая физиономия Раймаша, и солидное, толстое, круглое лицо Алескуты.

Лазарь обернулся к Довгяло:

— Как ваши успехи, Довгяло?

— Какие там успехи с этим дурячком, Лазарь Петрович!

— Больше полтинки, любезный, — сказал инспектор, показывая свои белые зубы под черными усами. — Больше полтинки. В будущем вам придется командовать эскадроном — учитесь обращаться с народом.

— В военном деле нет полтинки, — гордо возразил Довгяло.

Лазарь покачал головой и, усмехаясь в себя, торжественно повинул двор гимназии.

К Довгяло подошли братья Гартиня и Зборомирский. Люциан задумчиво поглядел вслед Лазарю.

— Этого тоже придется осмысловать, — сказал он.

— О, все это не имеет значения, — сурово заметил Игнат, глядя на окна асиковского парадельногого, — мы, кажется, завязали за них не с того конца. Так мы ничего не узнали.

— Я тоже думаю, — согласился Люциан, — все это очень глупо. Их не запугаешь.

— О, надо признать, — спокойно продолжал Игнат, — что мы сели в лужу. Нужно принимать другие меры.

— Как?

— О, вести удаюан в школу! И перевести школу на польский язык...

Люциан покачал головой.

— Что мне сказать отцу? — спросил Ренз.

— О, скажи, что ничего не вышло.

— Я не могу, — возразил Ренз.

— Почему?

— Потому что ты и Гартиня! — Ренз гордо вскинул голову.

— О, ты баба, а не Гартиня, — Игнат хлопнул и отошел в сторону.

— Ты мне отвечаешь за это, хлоп! — воскликнул Ренз, сверкая глазами.

— О, я не хлоп, а шлятич, — спокойно ответил Игнат, — но драться с тобой на дуэли я не буду... Ты кокотка!

— Навоею, — сказал Люциан, глядя в сторону, — остань этот бесполезный спор. Я буду отвечать отцу.

Люциан ушелся на козлы, а Ренз сел рядом с англичаном. Провожающие откозыряли.

— Паль з бича! — крикнул Ренз.

Гринуд выстрел, похожий на пушечный Парива упряжка рванула вперед, быстро завертелась спицы, закружилась вправо, и лаяндолет чезел в конце улицы, за старыми липами.

1 Вототичею охраняны.

ЛЕНКИ лейтенанта-летчика

Л. КОРОБОВ

Крылом за сосну

Впервые я увидел лейтенанта Витина в разряженном состоянии. Он ходил вокруг своего истребителя, как будто голодный и вздыхал:

— Ай, а-й! Что же, я так и буду теперь сидеть на земле? Надо пойти доложить.

Привое крыло его машины было изуродовано, конец остома, аэродон загнут. Точно спаряд презлеса в плоскость.

— Здорово финны плавальни! — сказал л. — Привое в крыло. Аэродон точность.

Витин посмотрел на меня изумленно и только хотел что-то сказать, как подошел командир истребительной группы.

— Как же это вас угораздило зацепиться за сосну крылом? — сказала командир Витину, показывая на изуродованную плоскость. — Но оправдывайтесь. Я вам всегда говорил, что низко бресте, врежтесь котыр-либуль в сосну. Так и случалось: поаомаи машину, сами, наверное, напугались.

— Честное слово, товарищ командир... — начал было летчик.

Но тут командир позвала на командный пункт. Витин снова вздохнул:

— Вот на войне как трудно! Всеяла я в фехском тылу, может, и не видела меня никто, а теперь мои дожди, что ты не вербала.

— Неужели это не спарядом? — спросила л. — До какой же степени может человек улететь, если уж начинает цеплять крылом за сосну!

— На войне все может произойти.

Он замолчал, вынул папиросы и лег на спину. Я встал в подползла, куда тинувались телефонные провода. Схватил, отчаявшись с кем-то соединиться, кричал в трубку: «Максика, Максика, я тебя плохо слышу. Связывайся через «Глобатор».

Командир группы сидел у другого телефона и повторял только одно слово: — Так... Так... Так...

Потом он поднялся и при свете свечи посмотрел на часы.

— Что же они не летят: горючее, вода на исходе. Ах, Витин, Витин! Так и презлеса в сосну...

Но успеха он это проговорить, как дас-рото наверху раздался шум моторов. Командир вылез из землянки. Они за другим садялись на землю истребители, приоткрывшие их финского тыла.

— Витин, Витин! — крикнул младший лейтенант, выпрыгнув из окопача. — Иди сюда, я тебя обниму.

Все засмеялись, думая, что это шутка. Но Витин поднялся и подошел к летчику. Они мгновенно смотрели друг на друга и, обнявшись, поцеловались. Потом хлопотливые друг друга по плечам и снова обнялись. У младшего лейтенанта увлажнились глаза.

Подбежал друге летчики и тоже начал обнимать Витина. Он до того растерялся, что из его серых глаз скатились крупные капли слез.

— Товарищ командир! — выговорил он наконец. — Спросите моих товарищей, за какую сосну я задел крылом.

— У финнов сосен много, — сказала кто из толпы, и все снова засмеялись.

— В землянке командир эскадрильи рассказывала о налете истребителей на тыл врага. Командир группы слушала его внимательно.

— Можете поздравить: три оббитых «Глостер-Гладиатора». Одного сбил Андре-

Лейтенант Коробов — корреспондент «Комсомольской правды». Он информирует читателей о примечательных событиях авиации, рассказывает в газете о повседневной работе и успехе советских пилотов, описывает воздушные битвы, рассказывает о воздушных путешествиях, описывает авиационные происшествия.

Несколько лет назад Л. Коробов, стараясь хорошо изучить авиационное дело, достиг в нем много летички, как л. — в одиночку не прекращая работы в редакции, окончил ее, а год спустя сдал экзамен на звание летчика-инструктора. Сейчас он летает на всех советских машинах, которые можно встретить на аэродроме Осоавиахим.

В качестве главного репортера Л. Коробов был свидетелем, а иногда и участником многих авиационных событий. Он летал в составе эскадрильи Героя Советского Союза А. И. Алексеева, совершившей для того, чтобы выжить на материке экипажи дрейфующих на Севере ледоколов. Четыре раза был в Арктике. Совершил воздушные путешествия и в Средней Азии и над просторами Черного моря.

Пронизавшей зимой «Комсомольская правда» командировала Леониду Коробова в качестве главного корреспондента в Финский фронт. Не раз Коробов менял место журналиста на оружейника.

22 января в белоснежном тылу во время боя был убит командир батальона. Он на минуту неспеша было оставить батальон без командования. И в последний момент Коробов, выскочивший в этот момент среди бойцов, берет командование на себя. Батальон отражает все атаки белоснежных лыжных частей. За доблесть и мужество, проявленные на фронте, правительство наградило Л. Коробова орденом Ленина.

Вернувшись с фронта, Л. Коробов продолжает свою корреспондентскую работу и вместе с тем «Ленинские репортёры» — это звание, высочайшие награды и ордена советских пилотов и ораторов и писателей, так же, как и писателей и редакторов в их жизни.

На будущий день Л. Коробова мы посетим в маленьком разбитом аэро-

— Позовите Витина, — приказала командир.

Взволнованный Витин алет в землянку и обвел всех взглядами.

— Ну, докажите, что произошло по ту сторону фронта, — улыбающийся, сказал командир. — Извините, что я раньше не мог вас выслушать: тут подосако отряд «Вашихейм-Бристоль» буждал, мог и к нам залететь. Соседи наши отогнали их. Так и случаются все...

— Когда вы скрывали, товарищ командир, что и зацепила за сосну, так у меня даже что-то в груди оборвалось. Уж очень обидно стало. Вот, думаю, и свидетеля нет...

— Да вы скорей докладывайте, как было. Не робейте же до обид.

— Проще простого, товарищ командир! Валесте мы, пошам в тыл к финнам. Видим на станции поезд эстон и солдат вокруг него много. Ну, мы к нему, конечно. И с пикирующего полета разбомбили. Постреляли по войскам, пилоту у них подняли. Поаедали дальше. «Яви» — вижу нас летам и сбосу немного. Подосако с лавронич-спаряногом залуду, вырва, откуда ли поаедали. А он лет в тринадцать «Гладиатора» свалелась. Бой, конечно, начался. Началась мы на вражеское зveno и сбосу немного. Оно от нас, а мы за ним. И отсюда одного от звена и давай добивать. А он лет в ирак, скорость маленькая, рдизме небольшая. В общем никак не поймало его. Спасибо, товарищ Карпов вышшо его из ирак, и я опять очутился у него за хвостом. Стрелял, а пуан его не беруг. Фу ты, думаю, уж не в бронированной ли кабине сидит? И такая милая зелье, вела, что раскатыло. Ну, было не было! Подступил эвоо машину его хвосту, дай, думаю, сейчас отпашу хвостовое оперение прощелером. Но глянула на зомлу — до линии фронта 100 километров. И варуг так мне жель заглохлось, товарищ командир! Отпустила хвост и опять постреляла. Гляжу: не валится и не горит. Дай, думаю, амеками трахну по центру. Машину по хвосту — и корень! Началась... и тут сарейфа, даже противно самоу саделась. Тогда я его летала и подколмываю так, что крылом стукнула по хвосту. Троек раздался, сержег. Хвост у «Гладиатора» отлетел, невраг нырнул вниз. Мне сделалось не по себе.

Но вижу — ничего! летуч. Крутом ребята летуги. По хвосту — гугучу тронуть. Машину салетелась, но не бож валится.

На крыло уже и не гляжу. Драться на полномом самолете куда же? Посмотрела вниз: от «Гладиатора» дым идет, горит в сенту. Вот и приаедаю оиди.

— Ну, молодец! А и думаа, что в сосну трахла. А все-таки не брей низко. Горюч-ку уж не в меру. Вышному вам благодарности.

— Служу Советскому Союзу, — ответила Витин.

И только что это произнес, как пронзуча-ла команда. Истребители бросались к самолету и через три минуты исчезли за лесом. Линию фронта пореаедали английские самолеты-разведчики, дравшиеся на стороне финнов.

Витин подошел к своей машине и сокрученно покачал головой:

— Ай-я-яй! Что же, я так и буду теперь сидеть на земле!

— После войны мы пострелились с Витиным в Кремле. Он был чисто выдран и одет по-весеннему.

евого, другого Витин таранила, а третьего мое зveno згинуло в дол озера.

Командир группы слушался и переспросил, что сделала Витин.

— Таранила, — ответили ему.

— Привет, товарищ корреспондент! Как живешь?
— Вы как живете? — спросил я.
— Ничего, летать. Крыло заменили тогда. Вот орден пришла получать. А вы, наверное, заметку пришли написать о вручении орденов?

— Нет... — сказала я, посмотрев на Витина, — это заметку...

— Что, тоже крылом за сосну звал?!

— Нет... — засмеялся я. — Батальоном зацепился за финский полк.

Мы взяли друг друга под руки и пошли в торжественный зал Дворца.

Пять суток без полетов

Мы были уже «старички» и летали на «сорокостях» многократно. За последние четырем лет каждую весну мы, пилеры, встречались на аэродроме. В перерывах между полетами кто-нибудь из нас прилетал и выносил его из обсуждения. Но нас слышу друг к другу не только на земле. Иногда, лежа в тени, обсымаемой крыльями, мы усаживались «о встрече в воздухе и безобидном «воздушном бою». Истребительные протогипы имели хорошую скорость и делали все фигуры, какие только доступны летчикам-вирующим. Мы готовились в истребительный взвод, и поэтому в последние весенние дни были для нас самыми желательными: за облаками происходили наши «бои».

На этот раз мы с Сашиной решили встретиться за большим облаком, которое медленно надвигалось на аэродром. Эта встреча была нужна мне: я собирался написать очерк о воспитателе летчиков-пилеров Клоатинной и о воспитателе «воздушных боёв» ее воспитателе.

Я запомнил литер «В» на хвосте сашиной машины и сочетание красных и белых полос на фюзеляже.
Около облака в ожидании товарища пришлось заняться аэробатикой: из пельти я ходил в боевые развороты, срывал машину в штопор и уходил на импровизированный. Я старался держаться ближе к аэродрому. Это была наша обычная тактика: командир отряда привык к нашим кувыркам и переставал обращать на них внимание.

На другом краю облака показывалась «четверка». Моя машина перелетала с крыла на крыло, и оба самолета рину-

лись от аэродрома. Через пять минут мы уже гонялись друг за другом не только в горизонтальной плоскости, но и в петлях, лижированиях и боевых разворотах. Темп «боя» нарастал. Саша разохлелся. Такими я его никогда еще не видел. Он взорвала грона мне кулакком, и это еще больше разжало мое злорд. Мы чувствовали себя за облаком, как за тижалым театральным занавесом. Наконец, «четверка» зашла ко мне в хвост и так прицелилась, что я нырнул в пельти, а она сплелась меня. Пытался было уйти из-под атаки боевым разворотом, но «четверка» неотступно следила за мной. Тогда я, покачал крыльями, как бы прося о пощаде, спикировал и ушел на посадку.

На старте было, как обычно, много народу. Меня никто из о чем не спросил, никто ничего не видел. Но вот села «четверка», и я побежал к Саше. Уцепившись за крыло, я заглянул в кабину, и... ноги отказались служить мне. Быстро Сашин кабинет сидел командир отряда. Я закрутил глаза, потом открыл их, но на меня смотрело не привидение, а командир.

Он не торопясь, вылез из кабины, снял парашют, расстегнул шлем и подовзала меня:
— Температурит у вас есть, деретесь липористо, в истребители годитесь, но походите мне, не я один же полетов за неразрешенный «бой».

В течение декады командир отряда выложил за облаками весь «архивчик», и, поверте мне, не я один же летал пятилетку. На четвертый день вынужденного отдала от полетов в «Комсомольской правде» был опубликован очерк «Воспитатель истребителей».

рога привязаны ремни так, чтобы в воздушных условиях держались на сиденье. Золотой. На высоте удалось командир отряда. — Высший пилотаж по свободной программе.

Через три минуты мы были на высоте 550 метров, а на четверть вво-прибор показывала 1 000. Я обернулся назад, жена робко озиралась по сторонам. Вздыбли самолет, я завставаю его как бы повиснуть в воздухе. Потерял скорость, он опустился ниже, и тогда я вынул из кармана и завертелся в штопоре. После двух витков я выкренил машину и, поджав ее вверх, перевернул в иммельман. Мы опять летали нормально. Неожиданно я перевернул самолет через крыло, и он снова пошел к земле. Потом он вздыблился, точно была начерчена до бесконечности идти носом к земле. Но вот скорость почти погасла, померуствовалось все собственное тело, и левая нога энергично свалила машину в реверсант: она легла крылом на бок и потом опустыла нос к земле. Эта фигура востра хранилась моим товарищам. Мы шутлико по поводу нее: «Самолет пошел на поплаву, а потом раздумал и вернулся». Но обратный полет был именно на летать и не на одну, а на целых четыре.

Прошло пятнадцать минут. Я оглянулся и... к своему ужасу, не увидел жену. Привыкнув к тому, что она не было так страшно. Даже на войне в тажисме минуты и чувствования саба куда больше.

Я развернул самолет и тщательно осмотрела землю, над ней нигде не было раскрытого парашюта. «Не может быть, чтобы такая женщина не раскрыла парашюта», — подумала я. И тут из кабины показало белое, рстеренное лицо жены. Мы понизились посмотри на друг на друга. Я побрела востру, чтобы сделать еще каскад фигур, но она, держась одной рукой за борт, другой энергично показывала на землю, подывая тот международный сигнал, с помощью которого все воздушные пассажиры просят помощи.

Я посмотрела на землю, потом на жену. Но тут самолет вошел в облако, и я отвернулся, чтобы нормально пилотировать машину. Из своего тумана мы выпрыгнули на высоте 2000 метров.

До окончания полета оставалось несколько минут, и я решил их использовать как садуэт. Самолет снова вздыблился и хомчался в штопор. Открывая два витка, ерзавно я сделала двойную «бочку». Потом перевернулся через крыло и ушел в иммельман. Новые два витка штопора, роварсьям, потом серия петля.

Послека. Около жены собрался приятельница. Балачня и шатающаяся, она постребала на меня. Взгляде и не предвиделась в воздухе. Значит, поздравил пламлем, она, наконец, сказала:

— Ну, приди только домой!
И несмотря на угрозы приятельницы быстро зашлага к автобусной остановке.

Конечно, читатель интересно узнать, что было вечером дома, но, поверьте, мне не хочется об этом рассказывать.

Когда жена прочла эти строки, она усмешно советовала мне заменить подлинное имена участников полета, предлагая написать, что такой случай произошел с одним из моих товарищей.

Счастье моей жены

Ваньке бываю на свете жена. Разные они и улетчики. Некоторые перед полетами мужей волнуются, другие же так к этим полетам привыкают, что не теряют из-за них спокойствия и душевного равновесия. За полетом репортажа я написала на всяких жён.

Когда явился я сам оказался женатом, то, к моему удивлению, внешне жизнь моя не изменилась. С первыми утренними травмами я уезжал за 25 километров от аэродрома, в школу инструкторов-летчиков, а во второй половине дня обзвела другие аэродромы, собирая материал для газеты.

Но жена моя — тоже газетный работник. Дорогой читатель, знаете ли вы, что значит, если у репортера жена — газетчица! Она разбирается во всех тонкостях вашей работы, и вы не можете от нее быть паравалеальной вашей телефонной книжки и, конечно, вы никак не сможете оправдать свое случайное опоздание к ужину.

Признаюсь, за аэродром мне доставалось крепко.

— Вот у нее муж, — говорила жена, — примырный. Он с ней и в кино и в театр, в выходной день сидит за столом, он ездит в магазинах. А ты что? Сплошной аэродром. Журналист должен писать, а летать должен летчик. Уж если учиться, так шель бы в Московский университет. Однако попрекаяния мои воля к завершению летного образования пожелала

невозможество сунуть. Возмущение ее начало постепенно переходить в воление за благополучный исход полетов, потом и это прошло. Все чаще и чаще я слышал, как жена говорила приятельнице: «Мне так полно счастья, мне не хватает сущего пустяка — помянуть с мужем в воздух и убедиться, что он действительно умеет летать».

Иногда, когда тому мне не удавалось покать жену на самолете. Но вот, наконец, ее мечта должна была осуществиться... Перед выходным днем командир отряда сказал:

— Привозите завтра жену, пусть посмотрит да нашей фотозасты, да, кстати, вы ее покатьте.

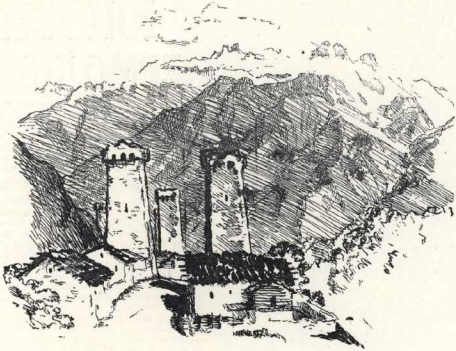
Вым, чудный выходной день, один из тех, когда в Москве толпами устремились за горю. Мы ехали в автобусе. Жена безумлоку разговаривала с приятельницами и товарищами по редакции, которых командир отряда тактично развешивал, покатьте.

— Сегодня я буду совсем счастлива, — говорила она.

Для катаны гостей были проиняжены дружескими зановалы. Эти машины тогда, что повлился у нас, и летчики, освоив технику пилотирования, готовились выступить на них в День авиации. Журналисты с пощением осматривали машины, расспрашивая о летных качествах.

Наконец, мне было разрешено посадить в кабину дороую подругу жизни. Я ужо

ВСТРЕЧА

РАССКАЗ

Было это давно. Тогда в Савнетни все обиды и распри разрешались кровью. Если жених перебрался невестой, которую выбрали для него старшины, он обречался на смерть. Если невеста выходила за другого, обречалась на смерть ее отец или брат. Если пролилась кровь, за нее истли кровью. Если свая умирала, ее непременно отомстил врагу, он завешал месть детям. И свая проливая свою и чужую кровь за обиды, которые давно уже сплелись вместе с сердцами далеких предков.

Рядом с семьей Парджанин, как и сейчас, жила Гиршанин. Между ними была давняя кровавая вражда, каждая сторона имела по десятку убийц.

Но вот в тишине безлюдного ущелья снова раздался выстрел: над еще одним Гиршанин. Парджанин, убивший его, вернувшись в селение при полном свете дня и шел как человек, съевший правое дело. Пора стала рабская, на дворе большая южная зима ждала обмолота, но Парджанин не взглянул на нее.

Всю ночь во утехали в селении плач, стоны, угрозы и клятвы, и всю ночь Парджанин не коснулся постели. Он стоял у двери, запорой дубовым засовом, и до онемения в руках сжимал ружье. Колыхающиеся пламя очага во времена освещало частынные лица спящих детей, и тогда свая громко клялась, что уберекет их от вражеской руки.

Утром, когда пожелала унести порох, свая приоткрыла окно и стал глядеть на двухголового владышку гор—Ужбу. Там, на ее вершинах, куда не может подняться орел, где не могут упереться ни снег, ни лед, где не бывало еще ни одного хребта и люди не посмели выдумать такого,—там он укроет своих малюток.

В ту же ночь глумили тропань, прикрываясь темнотой, он ушел к владычине гор. Вернулся через два дня. На ногах от новой обуви остались только копыта, рваны и колоты башки парашана в кровь.

— Дошел!—радостно спросила жена.

— Тула вет дороги и туман,—ответил муж.—Но ты не печалься, я напел убашке для малюток.

На другой день все Парджанин вышли на каменоломню. Мужчины ломали камень, женщины отвоили его в селение. Савне горке следили, что делает враг. Потом из этого камня они построили дом в два этажа и покрыли каменными плитами. Дверь сделали из толстых дубовых досок, какие выдают на вода и потоки. В нижнем этаже, вдоль стен, отгородил столб для скота.

Когда дом был готов, хозяин перевел в него семью и скот, на втором этаже сложил хлеб и семя. Чтобы вернее уберечься, он сделал на весь дом одно маленькое окошко потехом. Витрик к дому построил башню в семь этажей. «Если враг ворвется в дом, я уйду в башню, если он аломится в нижний этаж, я уйду по ступям. На седьмом, наверно, найдут спящего».

Враг построил точно такой же дом с башней.

Шли годы, приносили новые обиды и вражду, в Савнетни выростали новые башни. Постепенно вся страна застраивалась ими.

Прошло лет двести—триста, а может быть, и того больше. На крыльях свиваки башни потрескались камин, ветры занес в трещины семена, из них выросли дубы и березы.

Наступил год тысяча девятьсот тридцать пятый.

В голубой июньский день этого года на перевале Бюканошным шагом поднимался свая Романус Парджанин. Он был работником Савнетского колхозника, а по крови—потомком того далекого свая, который выстроил первую башню.

Год назад Советский госполком послал Романуса в Москву, в школу советского строительства. Романус окончил школу и теперь вознаградился домой. Тропа была крутая и смелая, но Романусу казалось, что она слишком трусливо обходит каждый камень, и он постоянно спрыгивал ее, пробирался по смельчаным кручам.

За год он так истосковал по своей родине, что не знал, как пережить этот последний день. Он изобретливо выдалвет аветер, душной с перевала, искал в нем запах родных пастбищ и вкус жареного мяса. Но ветер, догав дотавший дома, не вытер, догав дотавший дым, был мертвым.

Романус пытно глядывался в даль извинистой тропы, не появлялся ли встречный. Он крепко поймав ему руку, предложил раскурить трубочку и спросил, попрехиме ли мотуч и плумен Илур, выскочил ли на пастбищах тригла, жоржин ли поены, все ли живы в его доме. Он оставил там жену, двоих малюток и старую мать.

Под вечер уже за перевалом Романус заметил на тропе человека. Он сразу, еще издавляе узнал его: то был сосед и смертельный враг Романуса и в то же время его кровный враг—Александр Гиршанин. Много стелевший жил их розы в смертельной вражде и отпала этой вражде десятку лет жиней. Много лет Романус и Александр выслеживали друг друга, но жиня их разу не построила их на одной тропе лицом к лицу.

Она точно сознательно готовила для них этот день.

Романус остановился. «Один из нас скоро умрет»,—подумал он и сначала предстал мертвым себе: «Приду соседи, друзья, товарищи на свиданье... Но они никогда не узнают, чему я научился в Москве и какие мысли нес на родину. Надо мной случится жиня... Но я уже не сумею поладить ее не моему волосам. Мои малютки спрыгнут, за что убил их отца. Им скажут, что мы с Александром были кровными. Но малютки ничего не побоят в этом...» Романус вспомнил один далекий день своего детства. Он ловил в запурку горный поток, который пробегал перед домом. Поток был большой, без труда рвал плотину и, напав, бежал дальше. У соседнего дома играл другой мальчик, Александр, он тоже строил запурку. Не далось дело и у него. Тогда Романус подумал, что вдвоем они скорее ухватятся с потоком, и крикнул соседу. Мальчик тут же прибежал к нему. Они быстро подружались и непременно уговорили бы непокорный поток, но им помешали. За Романусом выбежала мать, схватила его за волосы и уволокла домой. А приятеля уловила его мать. Поток быстро смолк, неостроенную запурку.

Когда стеч вернулся с поля, он посадил Романуса к себе на колени и сказал, что ему нельзя играть с соседом: они враги, кровники:

— Когда он вырастет, он попытается убить тебя.

Романус не поверил отцу: Александр был тихий и ласковый.

— Ты не должен с ним видеться. Заповни!—отец погладил и поцеловал сына.

На страве перед отцом Романус перестал встречаться с Александром, но про себе не переставал с ним дружить. Если он видел, что Александр вылезает из дома, он тоже брал лук и вооружался, чтобы они играли вместе. Если тот играл в бабон, роставлял бабон и этот. Один из них играл за себя, другой—за Александра. И потом, когда он стал взрослым и вышел из Александра с плуем, в сердце его не было вражды.

Он ходил за Александром по воле мертвых, втайне надеясь, что жиня проведет их разными тропями и ему не придется поднимать ружье на своего друга.

И вот они стоят лицом к лицу. Александр медленно снимает с плеча винтовку и неуверенным, пощелкивающим языком выдает спуск. Романус чер голову Александра глядит на вечернее синие снега, на розную дубину под ним. В памяти его встают малые картины жини: труд взрослых, веселые игры детей, шумные селения, солнечные иезушки луна.

«И от всего этого уйти на токсичный кемалетный погост... За что?»

Он не видел за собой никакой жини.

Потом Романус предстал мертвым Александром: «Сирота-женина не может гулять славные волосы и осветит от слез. А дети, как и мы, будут спрашивать: «За что?»»

«Но было жини и за Александром».

Наконец, Александр напущал спуск и сказал:

— Я готов.

— Куда сплешив?—отговаривал Романус, смерту ружье и спрыгнул.

тал за камень.—Мы еще успеем поговорить пуглив.

И Александр спрятал ружье за камень. Тогда Романус подошел к нему ближе и сказал:

— Один из нас скоро умрет. Кто, я не знаю: выберет пуля. Я всего один раз говорил с тобой, поминья, в начале нашей жизни?

— Помню.

— Можно поговорить еще раз, в конце жизни?

— Общай,— ответил Александр.

— Почему живые должны продолжать вражду мертвых?— спросил Романус.

— Потому наша кровь должна пролиться ради холодного, мертвого пепла?

— Так завещали отцы.

— Почему они, умирая, оставили нам вражду, а дружбу и мир унесли в могилу?

— Они исповняли волю предков.

— Один из нас не увидит больше детей. Скажи, что передать твоим детям, если пуля выберет тебя?

— Исполнить обычай предков,— прошептал Александр и опустил голову.

— Если пуля выберет меня, передай моему сыну: отец твой Романус завещает тебе новый обычай—общая жизнь, мира и дружбы; отец твой Романус всю жизнь хранит обычай предков и не знал ни одного часа радости, но в последний день жизни он проглядел этот обычай и выросил

пулю, которую хранил для Александра. Первая его кровь моя не требует отпущения.

Романус взял ружье и выстрелил в пропасть, потом безоружный остановился перед Александром.

— Я готов. Стреляй!

Александр выстрелил в ту же самую пропасть.

Романус открыл окошко и долго глядел на владичиную гору—Ужбу—и вдалек холодный ветер, притаптывший с ее ледяных высот. Локаж спать, он оставил окошко открытым.

— Заврой!— сказала жена и кинула на спящих мальчюк.

— Ты не печалься.— Романус поглядывал по головам.— Я нашел для них верное убежище.

В то же лето Романус разрушил баню и на ее месте построил новый дом, с большими окнами на все четыре стороны света.

В одну полоную посылал взрослых, в другую—детей. Теперь никто не угрожал им. Александр, кровный враг Романуса, стал его другом. Он тоже разрушил баню и построил новый дом. В отличие от старого дома вражд, сумрачного и дымного мачуба, своим назвали эти дома домами мира, счастья и света. Вследствие горы Саветни: Ужда, Тетунуль, Ляйла и Лисиль—западают их сиянием своих вечных светов.

Ну, а виноградный ручей? Дети Романуса и Александра поймали его в крепкую аструпу.

Т. ШЕПКИНА-КУПЕРНИК,
заслуженный деятель искусства

ЮНОСТЬ ЕРМОЛОВОЙ

Вдали от шума больших улиц, на обширном пустаре, стояли маленькие домишки приятной соседней деревни. Среди них самым большим был домик просвирняк: низ камешный, верх деревянный, в три этажа. Низкие окна, расставленные с землей; их залывало бы дождевой водой, если бы не вытарта перед ними канавка. В этом доме когда-то жила девочка Маня и ее сестры. Но давно прошли детство и юность Марии Николаевны Ермоловой.

На пустаре был отгорожен небольшой участок—бывшее кладбище, где сохранилась несколько выгробных плит. Это место все заросло травой. Местные ребятишки дали ему название «травок» и так и прозвали у матерей: «Маня, пусти на травку». Весенний «травок» вся покрывалась желтыми одуванчиками и пахучей ромашкой. Здесь обычно играли Маня и ее сестры. Могильные памятники обдавали способностью превращаться то в книжки, то в столы, то в дома—во что угодно.

Одним из первых воспоминаний Маньшени были посещения дяди, жившего ку Харитону в Городничках—так назывались эти окрестности Москвы. Семья Маньшени жила очень бедно, прихотливо рассчитывала каждую копейку и уж, конечно, нечего было и думать затратить на повозочку. И вот дочкой, лет трех—четыре, она отправлялась с матерью сначала в Дорогомилово в баню, а оттуда к дяде. Мать несла на руках годовалую Аню, а Маня, как «большая», должна была черпать ведро Мисту поспевать пену, и когда маленькие ноги уставали—она толкала тихонько плакала; жаловаться смысла не было, она рано поняла это—и тут крылись первые истоки ее обычной сдержанности в тяжелые минуты жизни.

Конечно, бывали и приятные минуты, например угощение «багдадскими пирогами», которые присылал иногда отец. Так в семье называли пирожки с малиновым вареньем, а в которых все, начиная с названия, было удивительно. Маньшеника ведь с детских лет росла не столько в атмосфере сказок, сколько в атмосфере пьес. Отец ее был суфлером Малого театра, почти единственными книгами в доме были пьесы. Мать Маня, Александра Ильинична, страстно любившая театр, постоянно читала девочке вслух разные пьесы, начиная с Ползогого и кончая Шекспиром. Читала она ей и «багдадского пирожника»¹, и нет ничего удивительного, что название «багдадские» придало особый вкус пирожкам.

Маня жила жизнью своей скромной семьи. Бегала через улицу за хлебом, хрюка заявля в руках мелкую монету и со страхом озиралась, чтобы не попасть под лошадей. Вернувшись, помогала матери убрать конюшни, накрыть стол.

Под вечер, когда смеркалось, а свечи жечь было жалко, мать выходила с девочками отдохнуть и подышать воздухом за ворота. То же делали и соседки: просвирняк, мастерицы, белошвейки. Иногда случалось, что-нибудь из ряда воли выходящее: например конка стащит кусок говядины, оставленный отцу на ужин. Девочки бросались ловить «преступницу», выстигали ее и отнимали мясо. Бедность заставляла мать этот кусок говядины и класть обратно на тарелку, иначе отец остался бы без ужина.

Николай Алексеевич Ермолов был человек гордый, справедливый, но тяжелая жизнь и мучительная болезнь—человек—сделали его раздражительным, и, когда на него находили припадочки гнева, домашние трепетали. Он был талантлив, хорошо рисовал, писал пьесы, которые шли на сцене, но истинного правдивости своей дарования не находил и из-за куски хлеба сидел в пыльной суфлерской будке. Тяжелый характер отца создавал печальную атмосферу в доме Ермоловых. Детское сердце Маньшени было непостоянным ожиданием грима, жестокою кроткой, измученной матери да и к отцу, которому всю ночь не давал спать тяжкий кашель.

¹ «Багдадский пирожник» — феерия из сюжета восточных сказок.

— Почему живые должны продолжать вражду мертвых?—спросил Романус.

Но было в жизни и другое — то, что утешало, помогало пережить горести. Отец постоянно читал вслух детям, рассказывал им о страстно любимом театре, о великих артистах. Часто он брал Машеньку с собой в суфлерскую будку. Сидя на коленах у отца, она с жадностью смотрела, что делается на сцене. Например как женщина вся в белом и с распущенными волосами вдруг встает из гроба... Это была знаменитая в то время артистка Надежда Михайловна Медведева в мелодраме «Серфимина Лафайе». После этого спектакля старшие надробные платы на «справке» превращались в гробницу мимомоужершей Серфимины. Игра «в театр» была любимой игрой Машеньки. Она могла встать длинную юбку своей матери и, бросаясь на колени, рыдая, кого-то о чем-то умоляла... Изображала она большой частью драматические моменты, уже с детства комедия не привлекала ее.

Вся семья Ермоловых была тесно связана со сценой: кто играл в опере, кто танцовал в балете, кто слушал при театре.

Естественно, что когда Машенька подросла, ее решили отдать в театральную школу. Тогда драматическую училища не было — только балетные. Балетных учеников выпускали в драматических ролях, когда по требованию «дети», а наиболее способные по окончании школы принимались в арду. Машенька училась не стойко: у нее всегда была огромная жажда знаний. По одному только предмету она шла плохо, это были танцы. И преподаватель танцев, блестящий артист и «сценический дядя» сразу же вытолкнул серьезную, застенчивую девочку, которая с таким трудом подвизалась балетной дисциплине.

Для Машеньки были мучой эти школьные годы, и только горячая любовь товарищ подвела ее. Для полку не было большого удовольствия, чем утешаться в дуртюре у комедия спектакли, в которых Машенька сначала изображала драматические эпизоды, комедии Медведеву восторг, радостно и серьезно жила, например сцена из «Марин Стюарт». Видно, в ней в тогд было что-то особенное: подруги с восторгом слушали декламацию Машеньки, гордились ею.

Когда ей было лет тринадцать, отец в своей бенифе решил дать дочери роль (бенефицианты имели право сами называть участников спектакля). Ставился водевиль «Достойный невест и ни одного жениха». Машенька должна была играть разбитую девушку. Девочка вышла на сцену робко и неловко. У нее нарывал язык и был завязан «кусочком», что ее смущало, а кроме того отец не позволил ей трогать язык, и рядом с другим выкрикивая «словами» она была бледна, как смерть. Ее удивительное лицо, призванное изображать трагедию, не годилось для легкомысленного водевиля. Ее глубоким, низким голос совсем не подходил для веселых куплетов. Дебют был настолько неудачен, что известный арти Самария назвал Ермолову бездарной и сказал: «Пускай себе впадает у воды!» (т. е. на заднем плане сцена) куда обыкновенно ставили самых неспособных танцовщиц). И казалось, что, кроме танцев «у воды», ей ничего больше не оставалось... Но выплыла иначе.

И. М. Медведева решила поставить в свой бенефис пьесу Лессюта Эмилия Галотти, где исполняла роль герцогини Орлеан. Играть Эмилию должна была молодая талантливая актриса Федотова. Но она заболела. Медведеву предложили выбрать из молодых актрис, но ни одна из них не подходила для этой сильной драматической роли.

Как-то в воскресенье, у себя дома, за обедом, Медведева стала жаловаться на свое затруднение. За столом у Надежды Михайловны сидело много гостей и среди них ее родственница — блестящая воспитанница омского. Она и рассказала, что у них в школе есть

М. Н. Ермолова после окончания театральной школы.

исключительно способная девочка Машенька Ермолова и что она «необыкновенно играет». Медведева решила поехать в школу. Она вызвала Ермолову — застенчивую, безнадёжно неспособную к танцам девочку, и, видя, что-то в детских глубоких глазах Машеньки выступило тверзья и ее признание. Надежда Михайловна дала девочке роль, велела ее «обдумать», выучить и прочесть ей. Через несколько дней Машенька прочла роль. После первого же монолога Медведева, взволнованная, со слезами на глазах, воскликнула: — Вы будете играть Эмилию!

Художественное чутье не обмануло большую актрису. День ее бенифика был первым днем появления на сцене той, которая впоследствии долгие годы была светом, радостью и вдохновением Малого театра...

Юная Ермолова игрумом вошла Москву. Публика, предупредженная афишами, что роль Эмилия исполнит блестящая воспитанница,

ждала обыкновенную «нижнюю» с короткопылыми лифчиком и пиджачушкой голоском. И вдруг, когда заблела на сцену юная Ермолова и прозвучала ее первая фраза: «Слава богу, слава богу» — и в безмолвности, сказанная вынужденным посыл в глубине голосом, — весь зал вздрогнул от аллодисментов. Ермолова-Эмилия трогала, возмущала, возбуждала благородное несладкое — и все вместе вело к одному: «Что-то мезьяне по силе и таланту... А в это время Машенька вошла 16 лет».

После спектакля ее увезли в старом развезе в школу. Подруги ее силы, они собрались у комоды и долго расспрашивали, рассказывали, делились впечатлениями. Им пышки поздравлений, ей цветов — ничего этого не было. Но у этот вечер в дневнике Ермоловой появились такие слова: «День этот впахан в историю моей жизни такими же крупными буквами, как эти шифры, которые я сейчас писала. Я счастлива... нет; я счастливейшей человек в мире».

Мечта ее сбылась, страстное желание исполнилось: она стала актрисой. Так она думала в тот незабвенный для нее вечер. Через два года, в мае 1871 года, Машенька окончила школу и была арината в Малого театра. Несколько раз сыграла, еще будучи ученицей, Эмилию Галотти. Но больше крупных ролей ей не давали.

Настало самое трудное время. Театральной начальство товно игнорировало той силе, которую так неожиданно узнавало перса собой в лице этой гениальной девушки, Перед ней, юной, неопытной, вдруг потуекли все остальные актрисы. Так или иначе, но ее стали званать в неважные, второстепенные роли. Она страдала невозможю. Она начала терять веру в себя.

Вот что пишет 18-летняя Ермолова в дневнике, несколько летом которого было случайно найдено лишь в прошлом году среди писем, фотографий и всяких документов, хранящихся в семейном архиве Ермоловых:

«Ах, как мне хочется играть... как мне хочется жить... Сейчас и прочла у себя слова Вильде: «Ей нужно на волю, ей нужен воздух, свобода...» Да, и верно тогда предчувствовала, что мне не будет никакой свободы. О, и горало смешанней чем в школе: здесь (т. е. в театре.— Т. Ш.) и нахожусь под

1 Вильде — австрия по роли молоденьких, названных девушек.
2 Вильде — один из товарищей Ермоловой по школе.

ИНСПЕКТОРА РЕПЕРТУАРА ИМПЕРАТОРСКИХ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ.

Госепдин Инспектор Репертуара ИМПЕРАТОРСКИХ Московских Театров просить изъавство

Сибиряк З. Г. 1870 г.

Театральной Школы врезать сего *Сибиряк*, 26-го года, на репетиции *тр. Великая Сибиряк* по 10 1/2 в. вост. *Сибиряк* и при чем: *Морозов* *Павел Александрович*, *Климов* в 10 1/2 в. вост. *Сибиряк*.

Приглашение на репетицию (25 января 1870 года).

РАДОСТЬ ТРУДА

Социализм и труд неотделимы друг от друга.

И. СТАЛИН

Советский писатель, побывавший в одной из капиталистических стран, рассказывал о своем разговоре с мальчишкой-продавцом. — Ну какая у меня жизнь!—говорил мальчик.— Вот я ее вижу отсюда всю до конца. Она пойдет не дальше вон той конторки. Если меня не выгонит хозяин, если уйдет старший продавец (у него, говорит, язва желудка), тогда меня, вероятно, назначат на его место. Ну вот и все... Вон до той конторки два с половиной метра...

Четыре — пять шагов! Вот и все, что сможет пройти этот мальчик за долгие годы унылого труда. Несколько шагов, словно в тюрьмой одиночке!

Разве можно любить такой труд?

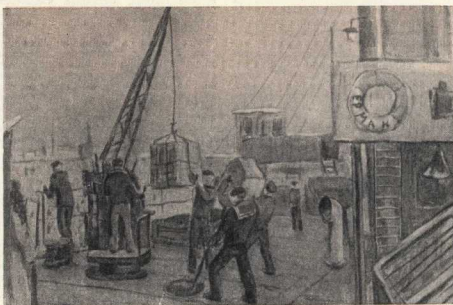
У автомобильного короля Форда в Америке человек, работая у конвейера, всю жизнь ставит деталь № 46 и заканчивает гайки №№ 17 и 18. Цель его жизни — деталь и две гайки.

В капиталистическом обществе пролетарий вынужден работать на эксплуататора, продавая ему свою рабочую силу. Рабочая сила есть товар, которую капиталист покупает на рынке, как любую другую вещь. «При капитализме труд имеет частный, личный характер», — говорит товарищ Сталин. — Выработал больше, получаю больше и живю себе, как знаешь. Никто тебя не знает и знать не хочет. Ты работаешь на капиталистов, ты их обогащаешь? А как же иначе? Для того тебя и взяли, чтобы ты обогатил эксплуататоров. Ты не согласен с этим, — ступай в ряды безработных и прозябай, как знаешь, — найдем других, более стоворочных. Поэтому-то труд людей не амеско ценится при капитализме. Как бы подтверждая эту сталинскую мысль, журналистка Мексик Демис в своей напущенной книге «Потерянное поколение» приводит рассказ директора одного крупного магазина, который решил брать на работу девушек, освободивших колледж. В прошлом индустриями работали негритянки. «Негритянки начали докучать нам своими требованиями о повышении заработной платы. Мы прогнали их тогда и вместо них взяли американских девушек, учились в колледже. Когда мы написали в газете, что белые девушки с образованием могут у нас получить работу в качестве диспетров, мы были буквально засыпаны предложениями».

В условиях капитализма из рабочего выжимают все, что он способен дать, а потом выбрасывают его на улицу, не обеспечив никакими средствами существования.

Капиталист всегда ищет дешевой рабочей силы, для того чтобы больше получить прибыли. Поэтому очень часто взрослых рабочих на капиталистических фабриках заменяют женщинами и детьми — более дешевой рабочей силой. В рядах японского пролетариата насчитывается более миллиона женщин, среди них 20 проц. девочек моложе 16 лет. Дети в Японии работают по 10—12 часов в сутки. В Англии, кичащейся своей демократией, на фабриках и заводах работают 3 миллиона подростков, юношей и девушек в возрасте от 14 до 25 лет. Большинство из них получают только начальное образование: нужда и голод не дали им возможности учиться. Женщины в Англии работают и зарабатывают столько же, сколько мужчины, но получают они и два раза меньше мужчин, только потому, что женщина еще является главой семьи.

Труд для рабочих капиталистических стран — тяжелый, унизительный, а иногда и жестокое наказание — обязанность.

На олимпиаде в Берлине. О картинах московского живописца Александра Ниббергера.

«Сваркаже льдом». О картинах учителя средней художественной школы при Академии художеств (Ленинград) Юрия Волкова.

«Завоевание социалистического договора». О картинах ленинградского живописца Юрия Пореня.

Правда, никто не заставляет рабочего делать тяжелую, отупляющую работу, превращающую человека в автомат. Он «свободен» и в любой момент может уйти, куда хочет, но это мнимая свобода. В США 10-12 миллионов безработных, и бросить работу — значит добровольно обресть себя на голодную смерть.

Уродливая система отношений, созданная капитализмом, приводит к тому, что труд делается бессмысленным, лишены творческого содержания. Работа, выполняемая человеком, может быть осмысленной и трудящийся в этом моменте работничий не сознает этого, он выполняет свои обязанности механически, без любви и интереса к своему делу. Происходит это потому, что между работником и обществом, для которого он работает, становится капиталист, присваивающий себе плоды его труда.

В капиталистическом обществе труд творческий, осмысленный и трудящийся получает не только не совпадают, но часто противоположны друг другу как неперимичные противоположности.

Едва ли можно придумать более потресканный пример трагедии творческого труда, чем тот, о котором рассказывал в своих «Воспоминаниях» гениальный французский композитор Гектор Берлиоз: «В то время, когда состояние здоровья моей жены стало еще хуже, какие надежды на улучшение и требовало больше издержек, как-то ночью я увидел во сне, будто сочинил симфонию. Проснувшись на следующее утро, я припомнил почти целиком первую часть. Я подошел к столу, чтобы принести записную, как вдруг в голову мне пришла следующая мысль: если я пишу эту часть, я подаюсь искусственно дописать и все остальное. Я устроился на это 3 или 4 месяца полностью... Моя больная будет лишена всего необходимого, у меня не будет средств ни на личные расходы, ни на содержание сына, собравшегося отправиться в учебное плавание на корабле.

От этих мыслей мороз пробежал у меня по коже, и я в бросил перо, говоря: ба! завтра я забуду симфонию! Следующий день симфония упрямо появилась в моем мозгу. Я проснулся в лихорадочном волнении и, внявая тему, которая по характеру и форме мне чрезвычайно нравилась, подыскал было, но впоследствии обнаружилось, что симфония эта по содержанию мне удержало и на этот раз.

Я старался не поддаваться вчерашней, а сурово старался забыть ее. Наконец, я заснул, и на следующее утро при пробуждении в своем воображении о симфонии оставалось действительно ничего.

Последняя борьба за хлеб заставила композитора позерствовать драгоценности для него творчески замыслил, предпринимать им трудную, бездарную подделку. Это явление невозможно в социалистическом обществе, где впервые в истории человечества открыты все даром таланты, где труд стал делом чести, делом славы, делом доблести и героизма.

* *

С тех пор, как рабочие в крестьяне нашей страны, руководимой партией Ленина—Сталина, свергли буржуазно и помещиков и установи-

ли диктатуру пролетариата, трудящиеся впервые в истории человечества предоставлена возможность работать на себя, на свое государство. Труд в Советской стране не является тяжелым и изнуряющим бременем, какими он был при капитализме.

Двадцать лет тому назад Ленин писал: «Ведя аккурратно и добросовестно счет дел, трудовой экономии, не лодырничая, не ворюя, соблюдая строжайшую дисциплину в труде,—именно такие люди, справедливо оценившиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое государство, так класса эксплуататоров, становится теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лодыжками момента».

С первых лет советской власти Ленин подчеркивал, что сознательная дисциплина труда необходима для нового общественного строя. Ленин призывал вести жесткую борьбу с лодырями, тунеядцами, рвачами. Ленин признавал неустойчиво бороться за повышение производительности труда, потому что производительность труда — это в последнем счете самое важное, самое главное для побед нового общественного строя.

Граждане нашей страны знают, что работают на себя, на своих товарищей, что их труд укрепляет хозяйственную и оборонную мощь великой родины, поэтому их труд — это величайшая, творческая деятельность, доставляющая им удовлетворение и радость. Советские рабочие, служащие, колхозники не боятся лишения и жертв, они готовы преодолеть любые трудности, если это нужно для блага родины.

В дни боя с белофиннами Ленинградский завод № 210 получил правительственное задание. Выполняя его, люди в несколько суток не уходили с работы. Для них заболиты были устроены буфеты и спални, но многие рабочие, не желая терять ни одной минуты, отказывались от сна и еды. Первая партия была сдана через 24 часа после полу-готовки задания. На вторые сутки работники с готовыми изделиями выходили из ворот завода непрерывным потоком. На третьи сутки правительственное задание было выполнено.

Правительство наградило завод № 210 орденом Трудового красного знамени. Директор завода Т. К. Смирнов и механик Д. А. Клепиков награждены орденом Ленина.

Человек труда окружен в нас почтениями и уважением, неизвестным никакому другому обществуному строю.

Вспомните в нашей стране «работает хорошо и дает обществу то, что может дать,—он герой труда, он овеял славой» (С. Г. Яков). Научиться хорошо работать—дело нелегкое, требующее знаний, упорства, мужества и воли к победе. Прославленный во всем мире герой труда Алексей Стаханов пришел на шахту в 1927 году. Он начал с самой некалорифицированной работы — «сталвал палки в котла», а в конце бы дело Стаханов и бросил, он старался делать его как можно лучше.

Одновременно с этим он учился на курсах повышения квалификации и окончил их отличником. За какое бы дело Стаханов ни бросался, он старался делать его как можно лучше.

ЗВЕЗДЫ

«Спи, мой мальчик дорогой,
Ночь шугает темнотой.
Дует ветер в щели дома,
Как в шалаше травяной».

Месяц шел рекою вброд
Да попал в водоворот,
Учез разум набежали,
Замутили небосвод.

Завтра снова будет дождь,
В нашем поле вырос хвощ,
Хлеб в болоте не родится:
Себель тонко, класок тощ.

Где же песенка твоя?
Всталал новая зоря,
Войдет войско в тихий город
Вместе с углом сентября.

Мать выходит из ворот,
Мимо армия идет,
И мальчонку, уямбась,
Конник на руки берет.

Светом полнится землям,
Звездит конница, пыла,
И бойцы несут на шлемах
Мунды красные Кремля.

Значит, колосу расти,
Значит, радости достичь,
Значит, трудиться вечно
Озарять труда лучи!

ЮРИЙ КАПРАЛОВ,
ученик 10-го класса,
Выкеловского района,
Ленинград.

РАЗГОВОР О «ПОСТОРОННИХ ВЕЩАХ»

— Все это — лишнее, убежденно сказал молодой человек. — В конце концов, это может мне сосредоточиться. Я хочу говорить только в своей области, во всем остальном.

Меня озорная обстоятельность, что юноша, повидимому, лишился бы чувства юмора. Едва ли имело смысл в его годы называть творчеством исполнение нескольких тысяч экземпляров произведений на фортепиано. Но юная была так обласкана недовольными дядями и тетями, проужожившими ему уши уверениями в громадном даровании, что на протяжении короткого разговора он представлялся возможным спустить юношу с Олимпа на землю без серьезного ущерба для его самооценки. Весь мир был заключен для него внутри баяны. То, что не помещается в баян, — суета сует.

По странной ассоциации я вспомнил карикатуру, помещенную в одной из московских газет. Художник изобразил двух чемпионов, но заставил их поместиться в баян. Чемпион по плаванию он поставил на ливню оги в тире, а олимпийского снайпера бросил в воду. Чемпионы выглядели бескомпромиссно, будто только что вылезли из баяна. Тут выигрывать у ливни пришлось поддерживать за веревочку, а снайпер держался на воде только потому, что его снайперские туманеры, а сверху подгинаясь на удочке, и запломбировали моему собеседнику эту карикатуру.

Юноша обижено фыркнул: — Не понимаю, что тут обещано! — Я попытался уточнить ситуацию: — Что, если бы вас на десять минут разлучили с баяном и на школьном диспуте попросили высказаться о достоинстве стиха как жанра-инструмента известного поэта, скажем, Михаила Сельсера? — Ничего не понимаю в стихах, — буркнул юноша.

Он оцепенелся. Он чувствовал, что на него готовятся нападение, но не знал, с какой стороны, и потому на все вопросы, на всякий случай, отвечал чуть ли не рычанием.

— Вы как будто гордитесь тем, что ничего не понимаете в стихах. Но ведь музыканты и поэты — сестры. В творчестве великих музыкантов они идут рядом, дружно обвиваются.

— Я всегда плохо разбираюсь в родственниках олимпийских, оспорил баянчик. Но знаю, Бокс, что в искусстве вы можете оказаться приемлемым, — попытался я пожать в тон ему.

— Это почему? — Очень уж у вас преизбретенное отношение к родственникам нашего баяна. Не только остальные искусства, помимо музыки, мало вас интересуют, но кажется, и к другим инструментам отношения у вас прохладные. Любите ли вы фортепиано? — Когда мне аккомпанируют?

— А знаете, что сказал один из великих музыкантов? «Люби свой инструмент, но не будь исключителем. Понимай, что существуют другие столь же прекрасные».

— Кто это сказал? — Шуман. У него есть маленькая чудесная книжка — «Жизнеописание и советы молодым музыкантам». Чайковский настолько ценит эту книжку, что сам перевел ее на русский язык. Слова Шумана, которые я только что привел, именно более широким взглядом. Не только другие инструменты должны ценить настоящий музыкант, во другие инструменты, наконец, другие явления жизни, все виды человеческого труда, человеческой деятельности.

— Это вы говорите, а не Шуман.

— Вот недериватель! Хорошо, я могу привести в доказательство слова самого Шумана. Вот они: «Господи, тымузыкальных заблуждений больше в члених позтов. Брои почта к воле и в лесу».

— Ну, хорошо. Насчет поэзии я еще согласен: они могут кооп в себя оказаться поэт. Каким образом? Им. Если уж сам Шуман говорит это, значит, тут что-то есть. Но вот не понимаю, для чего мне советуешь интересоваться и живописью, и литературой, и техникой, и даже — поухайфрей! — математикой? Каким образом! Это просто адит меня, Музыкант, и вдруг — математика! Тут и Шуман вывел бы себя. Сухарь, буюкел!

— Поражаетелный вещь! Шуман как будто предугадывает, что а своих заблуждениях вы станете смеяться на него. Ведь Шуман вы не считаете сухарем и буюкелом?

— Гупый вопро! — Так вот Шуман писал: «Изучай жизнь во всех ее проявлениях, изучай также другие искусства и науки».

— Что, что вы скапали? — заводолался юноша. — Это Шуман написал?

— Да, Шуман. Мы помочили.

— Насчет математики-то Шуман ничего не сказал — пробурчал таксон, юноша. — Он вероятно, не знал, что его книжко будет читать упрямцы вроде вас, в противном случае он сделал бы специально примечание насчет математики. Но другой великий математик написал, что математика может иметь некоторое отношение именно к музыке. Помните, Сальери говорит у Пушкина:

«...чертас, Придал послушную, суюбу беглость И верность уму. Зауел учересть, Я разел, как труп. Поверел Я алгеброй гармонью».

— Алгеброй? — ужаснулся мой собеседник. Так выписано, что он весьма слабо знаком с Пушкиным. Он притих на время, и я воспользовался этой обстоятельностью, чтобы поговорить о Пушкине. Многие из наших молодых, начинающих поэтов, повидимому, считают, что если уж их «спривал к священной жертве Аполлону», то единственно возможным выходом для них является вдохновенное наименование рифм, остальное же — от лукавого. Пушкин придерживался другого мнения на этот счет. Круг его занятий и интереса был чрезвычайно широким. Он был не только поэтом: он был историком, редактором журнала, критиком, переводчиком, исследователем, в его записках можно найти великого человека, Вольфганга Гете. Ничего не было чудом этому гениальному поэту. Литературный труд он сочетал с изучением технических проблем своего времени, с попыткой приступить к строительству гигантских каналов, шоссейных дорог, друрия заставляли его за изучением планов и чертежей лондонского торговца. Он был человеком с широким кругом интересов, он обывал взглядом весь мир, природу, прошлое и настоящее нашей земли, он совершал немаловажные для своего времени открытия в области геологии, минералогии, метеорологии, ботаники и зоологии.

— Но известен он, вероятно, больше как поэт. — Угромо заметил мой собеседник, — и

тут уж наши ботаника и зоология, вместе взятые, не при чем.

— Разумеется, в разносторонней деятельности человека должна господствовать одна, важнейшая для него. Но, может быть, Гете не нашлась бы «Фауст», если бы не занимался философией и естествознанием? Не то важно, что Гете увлекался изучением именно ботаники или зоологии. Важно, что он любил природу, являно всматривался в нее, стараясь проникнуть взглядом в ее глубины. Это проебуждало в нем ум, чувства, волю к творчеству. Не рифмы же составляли поэзию, а идеи и чувства.

— Все же наш Гете — явление исключительное, его нельзя брать в счет.

— Вы так думаете? А Леонардо да Винчи, который был не только художником, но и ученым, анатомом, астрономом, механиком, физиком, естествознанием, геометрии, техникой? Он не помещался, а помогло ему стать гениальным живописцем. А наш Леонардо был первым русским поэтом и первым русским ученым. Он заложил основы русской поэтической речи, он создал стихи, которые читаются до сих пор. И он тоже, Леонардо, предельно влился в свое время, теория образования электричества в атмосфере, он предвосхитил некоторые открытия гениального Лавуазье в области физической химии, он заложил основы акустики, астрономии, изобрел много инструментов по мореходному делу, предложил идею Великого Северного морского пути с Запада на Восток. Знаете ли вы, что замечательным ученым был также начальником географического департамента?

— Дела давно минувших дней, — вяло отмахнулся юноша с баяном. — Такого департамента давно и нет.

— Правильно. Такого департамента, действительно, в наше время не существует. Но если нас интересуют примеры, более близкие нам, давайте поговорим о таком учреждении, как Главное управление Северного морского пути.

Юноша оживился: — Папанин? — Да, Папанин.

— Уж не скажете ли вы, что Иван Дмитриевич пишет стихи? — Иван Дмитриевич стихи, может быть, и пишет. Но я знаю, что он никогда не считал себя ученым, географом, а тем более начальником одного из величайших экспедиций нашего времени — дрейфующую станцию «Северный полюс».

Одно время он был работником Народно-комсомольской связи, а еще раньше — телеграмным оператором. Если бы он руководил по-настоящему, он мог бы заявить, что изучение Арктики — не его дело, что исследования к Северному полюсу, так сказать, призывает ему сосредоточиться на своем ремесле.

— Ну, Иван Дмитриевич никогда бы так не сказал.

— Верно. А вот вы, если помните, наш разговор начали именно с такого заявления. Вы смеетесь надо мной — великий музыкант.

— Нет, я лишь только до логического завершения ваши собственные взгляды, с которыми я сегодня познакомился. Взгляды ваши представляют известный общественный интерес потому, что их, повидимому, разделяют некоторые из наших сверстников. Я говорю о них музыкантам, которые заставляют нас захватить да похвалить о них пианистских, которые крывают свои сетевых аппаратов часто заслоняют от себя весь остальной мир: о юных талантах, громом чешется в нас, о Леоново в опере, и голоса товарищей, работающих в других областях жизни, творчества, искусства. Тем самым они ограничивают для себя возможность похвалить, что им своим способностям даже в любимом деле. Самим образуют себе крывать. А когда падают, удивляются, отчего это хлопнулись о землю. Мало ли известности, славы дарованиям, а также наших оттого, что замкнулись в своем мире, не хотели вовсе высунуть в явную.

(Окончание на стр. 18)

«Взятие сопки Заозерной».

ИСКУССТВО ВИДЕТЬ

Ю. НЕЙМАН

Картина для художника, как роман для писателя, — плод извешенной мысли и наблюдений. Фантазия — верный друг творчества — переносит автора картины в любое пейзажное место, в любое время. Но и место и время становятся убедительными для зрителя только в том случае, если реальность их подкреплена доками — наблюдениями, почерпнутыми из жизни.

Ни Коля Лузин, ни Володя Жучков не присутствовали три взятия сопки Заозерной. Бред ли они видят в своей жизни или бы одно сражение. Тем не менее большая композиция на эту тему, написанная кисти художника, не только гармонична по цвету и рисунку: она жизненна, она волнует зрителя напряженностью и стремительностью действия.

Как этого удалось достичь? Что помогло авторам картины перелить атмосферу невиданного ими боя, грозное движение штурмующих красных колон и сокрушающую мощь советской авиации? Увлеченность темой и тщательное изучение материалов? Да, конечно, в первую очередь это. Произведения мастеров батальной живописи? Да, помогали и они. Но картина «Взятие сопки Заозерной» стала живой и убедительной потому, что автор, не довольной степени овладев искусством видеть природу и

характерные особенности движения человеческого тела. Работе кисти художников помогли правдивые методы, принятые преподавателями изостудии Замоскворецкого дома пионеров.

Цепят барахтаются на полу. Они тискают друг друга мокрыми носами, повзвизгивают, перебирают мохнатыми лапками. На первый взгляд они все одинаковы, только у того вой белое ухо, а этот самый толстый. Но если внимательно присмотреться, видишь, что у каждого из щенят свой характер. Белоухий — нахал и задир, черныш — робок, толстый — ленив и благодушен. Становится понятным, чем они олицетвляют друг от друга и что в них, так сказать, общепонятного.

В каждом из бесчисленных движений щенят осязанным мягкость, трапециальная неукладность, теплота телца под густой шерстью. Взять сейчас комочек подставной глинки, размять, и он сам, кажется, под твоей рукой примет округлые живые формы. Приглядываясь к забавной возне щенят, внимательней наблюдать точно вытисывает в себя все виденное и не просто вытисывает, но расчленивает, усваивает особенности поведения этих маляшских существ.

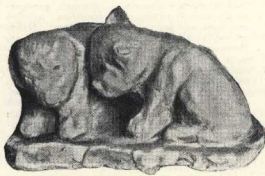
Чтобы лепить и рисовать, нужно прежде всего понять самое существовое и характерное в явлении, предмете, звере, человеке. Для этого надо учиться наблюдать. С наблюдением начинается художник.

О различии между художником и ремесленником рас-

сказывает робота во vstupительной своей лекции Григорий Андреевич Козлов. На первом же уроке ученики изостудии Замоскворецкого дома пионеров учатся понимать, что копий не должно быть. Настоящий художник творит, создает формы, габариты и осмысленно изучает природу.

Техника лепки и рисунка приобретает постепенно, в процессе работы. Прежде всего надо учиться наблюдать жизнь. И работа отстраивается на ушах, в затылке. Они часами простаивают около снежных гор, присматриваясь к катившимся, к их разгортываемым линиям, к стремительным изгибам саеи. Они пытливо вглядываются в прохожих. Чем отличается походка старика от движения юности? Эту простую разницу как будто знает каждый, но точно ли каждый сможет показать ее четко, реально, в контурах и объемах?

Абсолютно, как совсем юный скульптор начинают овладевать образом. Маленький мальчик впервые лепит красноармейца перед зрителем «во сформированный кусок застывшей глины, кривой овал головы, плоская галба туловища». «Присмотрись к красноармейцу», — говорит преподаватель. Мальчик присматривается, внимание его останавливается на плече. Чрезмерно высокий шлем увеличивает высоту его работы. Затем запоминаются руки и ноги. Потом шинель, перетянутая ремнем. Образ

«Щенки». Скульптура Е. Дрожиковой.

С картин Н. Лизина и В. Жучкова

красноцветья постепенно конкретизируются, приобретает формы. Ребенок выучился летать? Нет, он попрежнему приучается видеть.

В студии не имеют дела с писем. Но зрелище приносит живые ценки. Их долго наблюдают и летят непременно по памяти, а не с натуры. Образ должен быть не по диаграмме, но в сознании художника. Только тогда образ будет воссоздан творчески.

Это язык искусства. Обучая такой языку, очень важно чутко и бережно относиться к особенностям детского восприятия, подчиненного своим законам.

Нередко в произведениях ребят встречается отклонения от жизненной правды, анатомические несправильности. Иной раз это объясняется не технической беспомощностью автора, а тем, что он изобразил все именно так, как видит и понимает. Можно при случае указать кому-то художнику на его ошибку, но не следует грубо настаивать на исправлении. Иначе ребенок забросит или сойдет с работы.

Много чуткости, терпения и любви требуется, чтобы правильно вырастить молодое дарование. Тысячи ребят обучались у Григория Андреевича Козлова, который уже десять лет работает в институте Замоскворецкого дома пионеров. Лазды в шестидневку приходят в отскрипавший особняк на Большой Полянке юные живописцы и скульпторы. Они работают в высоких светлых комнатах Дома пионеров. Но едва наступает теплая погода, мастерские оставлены раши зеленым и реки, лужи, голубых, вечерних улиц и рощиц, как озера, полян. Пейзажисты стараются передать се-

мые разнообразные моменты освещения. Авторы композиций ищут этюды задуманных картин.

Толчком для творческой мысли чаще всего служат какое-либо важное событие или жизненный случай, наблюдение. Увлеченный сюжетом, юный художник горячо и сбивчиво делится с товарищами своими замесами и показывает первые наброски.

То и другое подвергается серьезному обсуждению. Удивительно быстро растет критическое чутье у студийцев! Еще недавно восхищавшиеся любой открыткой, теперь, после частого и осмысленного посещения музеев, они начинают отыскивать самое позорное от оригинального произведения, испытывать отвращение к подделке и беззуксие.

Обсуждение принимает характер эволюционного спора. Стратегические доводы друзей-противников нередко заставляют юного художника многое изменить и дополнить.

Через несколько дней на свет появляется первый этюд. Его жгут с восторгом. Картина рождается у всех на глазах, а в создании принимает дружеское участие вся студия.

Картина закончена. Споры вокруг нее еще не прекращаются. Тогда наступает решающий день: оценить качества новорожденной приежзает известный художник, приглашенный специально для этой цели. Вскоре его слово открывает автору или же заставляет задуматься о причинах неудачи.

Теплое воспоминание о зрительской их студии сохранила мне много ее воспитанники. Некоторые из них нашли в искусстве свое подлинное при-

звание. Работая над проектом памятника попу Инзана дал Баку, студент Академии художеств Михаил Андрикушин неизменно делался творческим партнером со своим бывшим учителем Г. А. Козловым. Теплые письма с подробными описаниями своей жизни и работы присылает Григорию Андреевичу Александр Загорбин, Левон Шукри и другие бывшие ученики студии, обучающиеся сейчас в Академии художеств и в художественных школах.

Ценно то, что студия развивается не только умные лепить

Этюд В. Жучкова. (Масло.)

и решать, но и серьезное, культурное отношение к труду. И Григорий Андреевич Козлов и пропагандист живописи Анатолий Андреевич Куниных стремятся воспитать у своих учеников чувство ответственности, достойное гражданина социалистического государства. Студийцы учатся старательно заканчивать каждую работу, не теряя времени зря, соблюдая дисциплину на занятиях и вне их.

Среди студийцев немало одаренных, мечтающих продолжать свои образования. В числе их Кома Аугуни и Володя Жучков, авторы композиции, о которой говорилось в начале статьи.

Неплохо лирические пейзажи и исторические драмы в этом году студийцы Ваалаш, Круаов, Михин, Симонен и другие.

Есть способные ребята и среди скульпторов. Стремление резать из дерева и камня заметило у Кома Трусова, автора интересной композиции «Ставки у телефона». Хороши некоторые скульптурные работы Пети Сошпа, склонного к шутке и юмору, Дрончиков, Юрманов.

Трудно предугадать, как определится дальнейший путь этих студийцев. Быть может, из них выйдет прекрасные художники и скульпторы. Быть может, архитекторы. Но весьма вероятно, что иной из них изберет труд машиниста, летчика, геолога. Однако и геологу, и машинисту, и летчику, да и представителю любой профессии пригодится развитый глазомер, острота зрительного восприятия и вообще то искусство, которому учит студия и ее преподаватели, — искусство видеть жизнь.

Москва

РАЗГОВОР

О «ПОСТОРОННИХ ВЕЩАХ»

(Начало на стр. 15)

— Однако — сказала я после паузы — мы отклонились от разговора о Глазевморпунти. Вы знаете Кренкеля?

— О, Кренкель! Как же не знать Кренкель!

— Вы знаете Кренкеля-радиста. А знаете ли вы Кренкеля-писателя?

— Разве есть такой писатель? — робко спросила юноша с бланком.

— Теперь он во всем спасался подхода с моей стороны.

— Да это один и тот же человек. Эрнст Кренкель. Еще со льдины он передавал в газеты по радио маленькие статьи; если хотите, это была настоящая фелетоника, написанные с превосходным юмором, отмеченные печатью настоящего таланта. После возвращения на Большую Землю Кренкель издал свои «Дневники» — большую, чудесную книгу, поражающую живостью и точностью описаний, громадным запасом наблюдений.

И я стал приводить обосуждаемому юноше пример за примером, которые доказывали необходимость для всякого способного, талантливого человека быть разносторонне развитым, живо увлекаться всем богатством искусства и жизни, дышать полной грудью.

— Возмем лишний отрывок деятельности советских людей. Выберите сами.

— Авансия, — сказал юноша (все-таки в душе он был романтиком).

— Отлично. Герой Советского Союза Юмашев, участник бесполосного перелета Москва — Северный полюс — Северный полюс Америки. Людям, которые его хорошо знают, он известен также как талантливый художник.

— Спорт, — сказал юноша наугад.

— Называю другого художника: Елисеев!

— Я же просил спортсмена.

— Елисеев — один из лучших футболистов страны, играет в команде «Динамо» (Москва). В свободное время занимается живописью. Всем известно, что знаменитый мастер бая Серифим Зианевский учится в Медицинском институте, он скоро будет врачом. Затеем...

— Медицина — по ассоциации, очевидно, продолжал мой собеседник.

— Мы затрагиваем очень серьезную область человеческой деятельности, а разговор наш все более начинает напоминать игру, — это нездорово. Но мне хочется убедить вас, и я отвечаю: неизвестный советский ученый-медик, разрабатывающий проблемы нервной трофики, А. Сперанский часто выступает в печати как публицист. Его статьи и высказывания по общественным темам отличаются отточенностью мысли, ясностью, блестящей литературной формой. Академик Сперанский является также большим ценителем музыки, сам он играет на виолончели.

Разговор наш и в самом деле стал напоминать род спортивного упражнения, я поспеялся направить его в другое русло. Кроме того у баншета был явно удушенный вид.

— Не подумайте, пожалуйста, — сказал я, — что нас собираются натолкнуть на мысль о необходимости быть энциклопедистом. Вы чем-то испуганы. Успокойтесь. Никому не нужно, чтобы вы стали и врачом, и художником, и механиком, и инженером, и футболистом. Вы любите музыку, у вас есть способности — доверьтесь им. Но не замыкайтесь в пределах одной только музыки: это обидит и вас и музыку, которая сейчас поет в вашем сердце. Дайте ей простор, пусть она вырвется в жизнь — и у ней появится крылья. Помните, в фильме «Большая вальс» Иоганн Штраус на рассвете едет с любимой через лес? Звучит образная музыка природы, рожок, пастух, вонне птиц, стук лошадиных копыт — все это будит воображение Штрауса, а все это становится музыкой, он соединяет в вальсе один из лучших своих вальсов. Музыка пришла к нему из леса, из жизни.

Тешка и его друзья

Трагедийный кружок Московского дома пионеров приготовил к смотру детского творчества постановку пьесы Л. Касселя «Брат героя». Сидя в зрительном зале перед началом премьеры, я заметил, что мои маленькие соседи распеивают это событие как весьма выдающееся. Девочка лет 12 подпрыгивала на стуле и, прижимая пальцы к щекам, шептала подруге:

— Я волнуюсь как... Ой, как волнуюсь!

В зале, переполненном ребятами и девушками, озабоченно обсуждали предостойный спектакль:

— ...Знаешь, у нас какая приманка?.. Если чуть-чуть заглянешь на сцене, так обязательно язык высосывает от испуга. Ее уж отучили, отучили...

— За третью картину бьешь. Не ладилось что-то.

— Даже в школе басом теперь говорят: так выгляди за роль.

Когда развивался знаком с выпитым на моем пионерском костюме, зрители не перестали волноваться. Но приманка их волнения была уже не та. Раньше они бесконечно, хорошо ли Игорь Смирнов сыграет Гешу. Зрители тревожила судьба самого Гешы. Теперь сейчас не интересовал кружок Дома пионеров: внимание асцело было занято событиями, разглагольшавшими в северной школе.

Ребята — очень требовательные зрители. Маленькая фальшивая нота расхолаживает их. Но этот спектакль, где самому старшему «актеру» 15 лет, а самому младшему — 11, они смотрели с таким самозабвением, которое, возможно, испытывают же профессиональные театры. И юные и взрослые зрители дружно хохотали над выходками дурашливого Пянтусова, которого игрок Слара Егоров, смешливо, слушая рассуждения деда-караульщика, и сидела, на дыни, когда Геша признавался, что он не брат героя.

В этом жанре-драме, теплом спектакле исполнители не играли роли, а самым искренним образом жили мыслями и чувствами героев пьесы.

В воспитании такой непосредственности, исключительной свежести воображения и состоит основная заслуга руководителю.

кружка — артистки Наталии Михайловны Нартовой.

Уже четвертый год работает кружок. Но «Брат героя» — первый в его репертуаре пьесы, написанной профессионалом-писателем.

До этого за основу спектакля бралась какая-нибудь сказка. Прочитав ее, кружок начинал драматургическую работу над вещью. В горячих дебатах, из самых пылких порывов фантазии рождался сценарий будущей пьесы. Каждый кружковец придумывал огромное количество вариантов сказки. Даже о незначительном герое придумывались самые различные истории, которые могли произойти с ним на протяжении всей его жизни. Каждый шаг, каждый поступок какому-нибудь действующего лица вызывал обстоятельные психологические рассуждения.

Постепенно тот или иной герой пьесы становился любимцем всего кружка. Его любил как родного, видели до мельчайших подробностей все черты его характера, знали не только то, что он будет делать на сцене, но и то, что он будет в момент рождения и каков он будет к старости.

Текст создавался на репетициях. Разрывая этюды по сценарию будущей постановки, кружковцы тут же импровизировали речь своих героев. Фальшивые, неуверенные реплики отбрасывались, находились живые слова и интонации. И пьесы писали лишь тогда, когда заканчивалась работа над постановкой. Устанавливались стоны сфотографировать в зрительном зале, и они записывали каждую реплику, внесенную на сцене. Текст шел с подмошкой на бумагу, а не с бумаги на подмошку, как это делается обычно.

По вот внимание кружка привлекла пьеса Л. Касселя «Брат героя», о которой так много и горячо говорили в этом сезоне пионеры и юноши, с первых же спектаклей получив заслуженное признание, покорила сердца зрители.

Решили поставить эту пьесу. Начали не с зурбурон ролей, а с той же импровизации. В одной из комнат Дома пионеров наговорилось столько и столько, изображали те или иные партии, то смеялись на явках. Здесь разглагольствовали этюды из пьесы. Текст вна-

Слева направо: Слава Егоров, Дима Левенсон, Виктор Смолицкий, Вадим Эренбург.

де совершенно игнорировался. Он придумывался тут же самими исполнителями. По мере того как шла работа над эпизодами, выяснилось, кому из ребят лучше всего дается та или иная роль. Востроумий, суетливая Катя Салометидина оказалась очень подходящей для роли Риты Муравской, Веселый круглолицый Савва Егоров был очень хорош в роли Пинтусова.

Наконец, все роли были распределены. Началась работа над авторским текстом.

Но тут случилось нечто невероятное. В кружке были два мальчика: 11-летний Дима Левинсон и 12-летняя Наташа Образцова. Они по возрасту не подходили к кружку и занимали в нем, так сказать, полулегальное положение. Но раньше, когда писали предыдущие, самыми последними всегда предусматривались роли для Натки и Димки.

В пьесе Кассидя для них подходящих ролей не оказалось. Мрачные, покладистые, слонихой они по отношению Дому пловцов и в перерывах между репетициями озабоченно рассказывали Наровозову:

— Наталья Михайловна... Наташка с Димкой очень страдают.

— Димка, говорит, дома от еды отказывается.

Репетировалась первая картина. Димка и Наташа, глядя следом, наблюдали за тем, что происходит на сцене. Вдруг Наталья Михайловна прервала репетицию:

— Ребята! А в каких отношениях находитесь в школе мальчики со старшими товарищами?

— Мешают! — заключила кружковница.

— Под ноги им путаешь!

Наталья Михайловна посмотрела в сторону двух «забравших» артистов.

— Наташа и Димка! Идите на сцену, мешайте, путайте под ногами, — сказала она.

Кружковцы с ликованием встретили это распоряжение. Очень быстро для Натки и Димки были придуманы роли. Об этом сообщили писателю Кассидю. Он одобрил замысел кружковцев и внес изменение в текст. В списке действующих лиц прибавилось два имени: «Димка» и «Наташа». Они живут в 8-й классе, чтобы посмотреть на брата знаменитого летчика, они всюду бегают за собственными корреспондентами Петей, такая его жасность и штатив, и очень славный спектакль.

Автор пьесы был постоянно в курсе всех дел кружка. Ему звонили по телефону, встречались с ним лично и всегда задавали много вопросов:

— Заранее ли Гена решил назвать себя братом героя или это у него вышло случайно?

— Правда, что Луканшину нравится Рита, а Гене — Ани?

— Какие у Ани были отношения с Клавсиком: хорошие или плохие?

Привычка видеть героев далеко за пределами пьесы оказалась очень сильной. 15-летнему Вадиму Эренбургу поручили роль дедла-караульщика. Сейчас у него есть тетрадь, в которой описаны все географические места, связанные с его рождением. Оскаживается делегация солдатского комитета с делегацией к товарищу Ленину, но потом его забраковали как неправдоподобного. Дед был женат 17 лет, жена

Сцена из первого акта спектакля «Брат героя».

его «помперла в голоду». У дедки было свое хозяйство, но он потерял его и пошел паразитить.

Таком предстает себе Вадим прошлое дедки.

Грим в кружке не применяется. Внешний облик дедки создается только с помощью седлого парика, бороды и соответствующего костюма. Но когда вы смотрите на дедку из зрительного зала, вы забываете, что у него нет ни ошейника морщины. Перед вами старик, проживший большую, суровую жизнь и нашедший себе тихое пристанище в сторожке на катке.

Ребята, обдумывая поступки действующих лиц, забывали в такие детали, что порой это приводило к недоразумениям.

Гена улетел в пролазе самолета. Расстроенный, он уходит со сцены. За ним идет Янчик, которого играет Витя Смолцицкий.

— Витя! Машиной рукой Луканшину и увидя его с собой, — посетовала Наровозова.

Витя послушался. Но жест, который он сделал, подмывая Лукашину, вывел выдум, неестественным. Так же вышло отключился Сергей Никомов, игравший Луканшину. Наталья Михайловна постаралась поправить. Слова изначальной сценки не удавались.

— Витя, милый, да что с тобой, обидни, покладыва!

Маленький черноволосый мальчик растерянно посмотрел на руководительницу:

— Ну как же я могу знать Луканшину, когда я с ним не дружу? Я же с Пинтусовым дружу!

— С чего ты взял, что именно с Пинтусовым?

— Как с чего?

Далее следовала длительная сценка фантазируемых собеседаний, которые сошлись к тому, что Завячен ни в каком случае не может дружить с Лукашиным, а дружит только с Пинтусовым.

Герои пьесы Кассидя близки школьникам. Но кружковцы хотели узнать их еще лучше, еще ближе. И они добивались этого с помощью своего воображения.

— Значительная часть спектакля делается не в Доме пионеров, а на переверстах улиц и в метро, — аудит Наталья Михайловна.

И действительно, очень часто по вечерам можно встретить ватагу кружковцев, окруживших свою руководительницу. Они медленно бредут по тротуару, часто останавливаясь. У ребят накапливается столько вопросов, что на их разрешение буквально не хватает времени. Обычно проходит около часа, прежде пионеров до станции метро у Кировских ворот.

Но и тут человек десять кружковцев, продолжая разговаривать, машинально берут билеты и уплывают вниз на эскалаторе, хотя им совершенно не нужно ехать в метро.

Особенно, когда прочтешь интересную книгу, жаль бывает расстаться с героями. Многие читатели даже фантазируют: «А что будет с героями дальше? Как сложится их жизнь?»

И вот эту потребность — творчески дополнить недосказанное автором — и развивает кружок, Наталья Михайловна Наровозова.

Выходя на сцену, юные исполнители твердо верят в реальность существования героя, в закономерность каждого его поступка. Они живут на сцене, и поэтому они могут держать в напряжении зрительный зал, хотя они и не актеры, а самые обыкновенные, непосредственные, живые, увлекающиеся школьники.

Е. РЫБИНА

ЧЕРНОМОРСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Михаил Светлаев

Пусть Черное море шумит за окном,
Мы сидим тише за этим столом.
Веселья не врича, токсик не тяя,
Поднимем стаканы, друзья!

Широкие ждут нас повсюду пути,
Нам трудно порою друг друга найти.
Кто может сегодня нам точно сказать,
Когда мы сойдемся опять?

Мой друг, уайбисни, погляди мне в глаза,
Приморно все то, что хочешь мне сказать,
Чтоб нам не пришлось пожалеть средь
Зимы.

Что больше не встретимся мы.

Налейте, налейте стаканы полней,
Да здравствуют друзья и молодость с ней!
Так выпьем за то, чтобы где-то в пути
Нам снова друг друга найти.

Суровые дни нам навстречу идут.
Нам встретят и горе, и радость и труд.
Так будем же всюду упорно беречь
Тепло неожиданных встреч.

Кончается ночь. Наступает рассвет.
Заря посылает нам первым привет.
Так выпьем за то, чтобы где-то в пути
Нам снова друг друга найти!

Классические вариации. Танцует школьница Маруся Никифорова.

Они любят ТАНЦОВАТЬ

Фотоочерк Н. Штернера

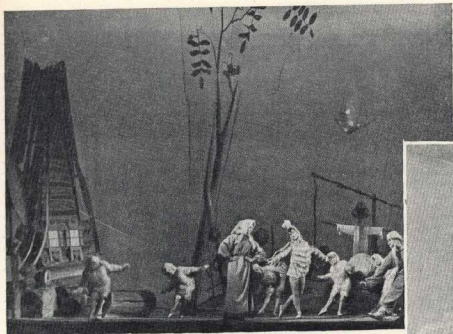
Ну, конечно, вы помните еще с детства простодушную сказку о том, как курочка-раба несла личко, да не простое, а золотое, и как горько рыдали дед да баба, когда зловерная мышка смхнула со стола драгоценный дар... Не так давно эта сказка ожила на сцене Дома культуры имени Горького (Ленинград).

Здесь, воле избушки с комически нахлобученной крышей, и разгерализ все удивительные события по-сказочному короткого дня. Все было рассказано в скупом и выразительном жесте, в движении, в танце. Над балетным спектаклем «Курочка-раба» с особым увлечением работали самые юные танцоры — ребята 9—10 лет. Они впервые принимали участие в танцевальной постановке и поэтому готовы были без конца репетировать эпизоды, в которых полагается паритет потомство курочки-рабы. И сцена, когда только что вылупившиеся цыплята, неуклюжие, но уже озорные, учатся ходить, получилась на славу.

Увлеченные танцем, стремление серьезно изучить основы балетной техники характерны для большинства страстных почитателей хореографического искусства, объединенных детским самодеятельным коллективом Дома культуры. Не потому ли с такой охотой посещают они уроки классического тренажа? Долгими часами в классах, которыми руководят опытные и вдумчивые педагоги сестры Г. О. и Л. О. Большаковых, они повторяют бесконечные упражнения, делаящие пальцы ног крепкими, выносливыми, а движения всего тела легкими свободными, ритмичными.

«Шуты» (музыка П. Чайковского) — любимый танец детского хореографического коллектива. На снимке: Нова Романенко, Клим Шеголов, Юра Бреханов, Нада Петухова, Тамара Карачен.

На сценках (спереди слева):
 1. Заключительная сцена из балетного спектакля «Курочка-раба» (либретто и постановка А. Шуйского). Иллюстрация: Валентин Мухоморов.
 2. У роля. В центре группа балетмейстер А. Шуйский. Он объясняет художественное содержание той сцены, которую будут сейчас репетировать. Сцена руководитель детской художественной самодеятельности Дома культуры имени Горького И. Шевченко.
 3. Партитура из балета «Корсар». Танцуют Илона Шиндлер (на первом плане), Маруся Никифорова и Оля Байкова.
 4. Гримерия в костюмах. Работы делают спортуны, на сцене новоявляется балетиста. Их радостно приветствует курочка-раба (Степа Кострицкий).

Искусство танца пленительно, но и трудно. Оно не прощает скороспелой выучки, снисходительного отношения к музыке. Это очень хорошо знают кружковцы. И потому, когда видишь, с каким искусством танцует «Вальс» Дриго Илона Васильева, как легко и пластичен прыжок Маруси Никифоровой в балетных вариациях, понимаешь, какие замечательные результаты приносит кропотливая отработка каждого танцевального движения — те самые классные упражнения, которые на первый взгляд могут показаться и скучными и утомительными.

Впрочем, далим слово фотоснимкам. На них запечатлены отдельные моменты деятельности хореографического коллектива, получившего хорошую оценку на городском смотре детского творчества.

КОРОЛЬ МЯЧИ

РАССКАЗ

Левый крайний был самым ненадежным игроком в нашей команде. Да, но удаляться, именно он. Петр Протопов, феноменальный форвард «Напора», которого спортивные репортеры именовали не иначе, как «королем мячей», у себя в коллективе приносит одни только огорчения. Бедня состоюла в том, что король футбола, как это им покажется странным, относился к нему совершенно спокойно к этой захватывающей, динамичной игре. Даже болельщики феноменальный Форвард не любил футбол, а подчас просто ненавидел его.

Природа сыграла с Протоповым злую шутку. Широко оладина молодого парняла всеми данными классного футболиста, она забыла добавить в грудь будущего короля горячие чувства футбольного бойца. Левый крайний «Напора» играл в полуторачасовом матче не больше двадцати минут, а остальное время он шипел, как гора вилла тренер Кузьма Макарыч, травил и думал о пролетах, не имеющих никакого отношения к футболу. Правда, когда наступала пора этому двадцатиминутному проветриванию и Петр Протопов брался за дело, любители футбола получали истинное наслаждение. За двадцать минут за действия протоповика выматывался так, как если бы установка в ином театральном кубовом матче.

Петр Протопов был игроком разнообразнейшей техники, поэтому он легко обманывал и обходил своего сторожика. А когда левый крайний «Напора» шел с мячом на ворота, толпы зрителей поодаль в весьма незанятое положение. Даже сам Камельков из «Гладиатора», вратарь совершенно исключительной реакции на мяч, не мог предугадать, когда и куда направит свой удар Протопов: влево, вправо, в верхний край в нужный угол ворот. А бить Петр мог, как никто: точно, сильно и главное—носивидно. Другие форварды в его положении еще только перекадыкали бы мяч с ноги на ногу, готовясь к удару, а Протопов прямо с хода, без задержки, штурмовал по воротам. И делал он это чертовски ловко.

Ах, если бы левый крайний только захотел, наша команда была бы бесценным чемпионом страны. Но левому крайнему было, к сожалению, совершенно безразлично на каком, собственно, месте табулицы находится сейчас «Напор».

На первом—хорошо, на втором—плохо, на третьем—тоже терпимо.

Чувство футбольного азарта было совершенно чуждо Протопову. Король мячей не понимал тех людей, которые ведут точный учет выигрышных и проигрышных очков каждой команды, гадает о шансах этих команд на первенство, спо-

рит, соорится в пылу футбольной горячки и делают десятки других, может быть, и непонятных, но столь приятных для сердца футбольного болельщика глупостей.

Самым обидным было то, что Петр Протопов никогда не относился к футболу серьезно. Футбол был для него игрой—и только. Еще в юношеские годы Петр мучил себя, что каждый комсомолец должен заниматься каким-нибудь видом спорта. Футбол дался ему легко, поэтому он записался в нашу команду и выступал вместе с ней на соревнованиях, к которым относился поразительно спокойно.

Порой робитам хотелось сделать Протопову так, чтобы он вылез от злости на поле. Но Протопов не замисл. Он вообще считал лишним расстраиваться из-за футбольных дел. Если протоповик не отвечал, левый крайний «Напора» не отвечал ему тем же, как это делали многие другие. Король ждал удобного момента, подходил к провинившемуся и говорил: «Вы, очевидно, по ошибке дали мне «подножку». Не кажется ли вам, что за это सदоголаво вы извинитесь?»

Если протоповик извинялся, Петр радостно ждал ему руку, если протоповик, не привнякий к такому веселому обращению на поле, посылал взыскание предупредительного короля к дьяволу, тот сильно расстривался и думал: «А не стоит ли половить к протоповику вогорично, чтобы янее объяснить несостоятельность его поступков?»

Добродушие и предупредительные короля доводили тренера Кузьму Макарыча до бешенства. Порой сподобитесь Протопова было просто ноивенно. До конца матча остаются считанные минуты. Команда протоповит. Робота прилагает все силы, чтобы отыграться, а король—хоть бы что. Он спокойно ходит по полю и «щипает травку».

А зачем, собственно, надирать штаны—недоумевала он.—Сегодня проиграл мы в следующий раз проиграют они. Вот мы и квиты.

Многим казалось, что Протопов попросту кокетничал и добродушил и своим, более тем прохладным отношением к футбольной игре, а в действительности он такой же ревностный болельщик, как и все мы. Увы, если бы это было так!

Нето Петр Протопов—седелася королем мячей, как видно, случайно. Феноменальный форвард чувствовал себя на месте не на футбольных полянках, не тогда, когда под рев и овации пятидеся-

ти тысячной толпы он шел с мячом на ворота протоповика. Протопов начинал жить как раз после матча, когда, возвратившись домой, он мог, наконец, запереться в темной и душной кладовке, превращенной им в фотолабораторию, и спокойно заняться проявлением очередной партии негативов. Именно здесь, в темном кутке, среди бутафок с арионителем и катодом с аэрионителем, в окружении крайний «Напора» чувствовала себя настоящим королем. Здесь он царствовал, отхлал и наслаждался. Грозь вратарей, злобады и драбанили, восторг и восторг кутенок глывался носом а свои недозаженные ногатым и восторженно кричал куда-то в неизвестность:

— Преправный кадр, Протопов! Скоро ты будешь снимать кадры Вана.

Футбольный король мог часами сидеть в кладовке и размышлять без конца и края свои первые недозаженные кадры. И, глядя на этот фотобокс, он буквально преображался. Все его здесь умилало, и во всем он находил что-то интересное и поучительное. Надолержа—помощь форварда—огично! Он кекстивота на эти вопросы в учебниках по фотографии, на специальных лекциях. Он совещался с лучшими фоторепортерами. Но фотомастерство ему шипало не давалось. Фотографировала Протопов совершенно бесталовно. Снимки его отличались удивительной безукрепкой. Было совершенно очевидно, что в фотографии Протопов при всем его усердии вышподрестивенности не подымался, что снимать, как даял Вана, он никогда не будет, что, однако, и не было его делом посвятить всего себя.

Но левому крайнему «Напора» трудно было думать с фотографией. Поэтому его беспорядочные—огично! Он кекстивота фотоснимки, определял диспозиции, составлял рецитуары провистелей. Отделялись от всех этих мыслей он не мог, ибо он чувствовал все его существование, а футбол, как ему казалось, был в его жизни чем-то случайным и несерьезным.

Наша усепка в первенство, таким образом, во многом зависела от протоповского настроения. Вышла он на игру в хорошем расположении духа,—значит, держись, протоповик! Тут король покажет себя. Он пролетит по всей линии нападения и прощупает вратаря и с правого края, и с центра, и со своей коронной позиции. Он отгнет на себя двух—трех защитников и бунтует, выходя их до тех пор, пока они не вымотаются и не откроют ему дороги к воротам.

Но если же только у Протопова нет настроения,—тошн. Король прорывалась туда, куда не могла пройти «подножка». Тут уже его ничем нельзя было проинт.

Иногда понтило, что, имея в команде такого игрока, как Петр Протопов, Кузьма Макарыч строил тактику «Напсра, приворывался к нему.

Наша форварды прекрсно понимали силу и мощь протоповика. Поэтому его ударов по воротам, поэтому они безропотно работали оба тайма на него. Форварды добивали да него мячи, создавая благоприятные условия для протоповского удара, в оба тайма играли, чтобы активизировать Протопова, натравить его на ворота протоповика.

Самк понимал, когда вел команда трудится на одного крайнего, то ей хочется, чтобы и левый крайний был в это время вместе с ней на поле, а в него мысленно и своей фотомладомы.

Может, удастся все-таки как-то, но если бы судьба командой зависела от моего решения, я давно выгнал бы Протопова из «Напора». Вдохновение, настроение—это хорошо и много. А у нас, протопов, это выгнать. Нам выгнать, но со всех сторон протоповика, и есть ил у тебя настроение или нет его, а ты облыли каждый матч играть а полную силу. В обиде, на левом краю «Напора» и поста-

вила бы человека простого и трудолюбивого. И пусть бы он был не так талантлив, как Протопов, и пусть его не называли бы в газетах королем мячи, зато я была бы уверена, что он два тайма подряд работает на поле.

Но тренер «Напора» Кузьма Махарич ни за что на свете не хотел расставаться с Протоповым. Воскресая, Кузьма Махарич болел отпустить такого сильного форварда в другую команду. Он говорил:

— Я, конечно, давно бы выгнал этого лентяя из «Напора», однако стоит мне представить, как этот самый лентяй будет играть в чужой команде и забивать мячи в наши ворота, мне делается не по себе. Нет, уж пусть лучше он будет у нас, чем против нас.

Но «старик» не только боялся Протопова. Говоря между нами, он попросту обожал мальчишку. В самом деле, когда король был в ударе, ему прощались отцы многое. В такие минуты он был на поле волшебником. Мяч повиновался любому его желанию. Он пришивал к ногам Протопова, когда тому надо было остановить мяч, посаженным песом мячале впереди левого крайнего, когда тот бежал к воротам. Мяч мог переходить от игрока к игроку, прыгать с ноги на ногу, с ноги на голубую, обходить поле вдоль и поперек — и все-таки в решающую минуту он оказывался рядом с Протоповым и летел в ворота именно от его удара.

И все же, как ни старался Кузьма Махарич примирить непримиримое, как ни пытался он оправдать в глазах команды несколько странных характер одного крайнего, команда возмущалась все сильнее и сильнее. Наши футболисты были

хорошими, покладистыми ребятами. Они могли молчать месяц, два месяца, год, но в конце концов даже самый терпеливый из них не выдержал и спросил:

— Дождем же?

Был у нас в нападениях левый полузащитный — Степа Сазанов. Тихий лентяй, из породе тех, которых иногда называют «тузики, потащит». Роста Сазанов был небольшого, фигура его отличалась какой-то нескладностью, особыми талантами он тоже не блистал, но выносливость у Степки была исключительная. Так вот этот тихий, безотказный работник удержался в амбиции.

Идет игра, Протопов ждет, по старой привычке, когда Степа отберет у противника мяч и подведет его поближе к своему краю, а Степа — ни-ни. Он ведет себя так, словно хочет сказать Протопову:

— Нет, дорогой король, побегай-ка ты теперь сам.

Лиха беда — начало. Закапризничав Степа, к нему присоединились центрфорварды. И у нас разладилась вся линия нападения.

Это было больше чем простое недружелюбие. Это был протест и против aristokratического поведения Протопова, и против тренера Кузьмы Махарича, который поставил левого крайнего в привилегированное положение в команде, и даже против спортивных репортеров, которые, возвоиско до небес короля, почти никогда не упоминали в своих отчетах о таких незаметных, но полезных игроках, как Сазанов.

Осень. До конца первенства осталось всего шесть игр. Тут бы постараться, и

у «Напора» были бы шансы попасть в первую лигатурку, а в команде в это время раздор. Близится еще дряхлеть, стареет, а форварды — ни туда и ни сюда. Ходят они по полю как сонные мухи и ждут, не начнет ли им какой-нибудь дядюшка выхватывать в ноги мячи. Тут уже не выдержал даже Кузьма Махарич.

Сначала он пробовал усовестить ребят, но это на них не подействовало. Тогда Кузьма Махарич стал заменять строптивых запасными игроками. Однако запасные вели себя на поле точно так же, как и остальные форварды.

Бывали такие матчи, когда левый крайний не получал от товарищей ни одной подачи. Ему не давали мяча даже тогда, когда он оставался один на один с врателем и мог самым легким способом нести приношение команде победы.

Протопов был негодун, и ему довольно скоро стало ясно, что, как бы сильно ни хвалили его спортивные репортеры, как бы высоко они ни оценивали его мастерство, без товарищей он ничто. И даже при его «рывке» и с его пучеными ушами по воротам он никак не может обойтись на поле без помощи хотя бы такого малоизвестного игрока, как Сазанов.

Левый крайний несколько раз пытался пойти на мировую с командой. Он, может быть, даже и повинился бы перед ребятами в кое-каких своих грехах, но никто из наших футболистов не хотел пожать противнику ни руки.

Во время матча они демонстративно не замечали присутствия Протопова на поле, а в другие дни, как только Пота за-

(Окончание на стр. 24).

У пруда.
Фото Ленинградского
школьника
С. Крайневидова.

ВЕСЕННЕЕ

Я помню, как давно любил я весну
Встречать над первыми ручьями.
Я помню: видели меня одну,
Всегда одну
С багровыми от холода руками.
В искривлях ручей пускал челноки,
Я наблюдала их движенье,
Я шла за ними до реки,

В воде реки
Мое дрожало отраженье.
И мутная вода стремительно неслась,
Шумела на камнях холодной волною.
Не объяснить мне эту власть,
Да, эту власть
Воды весенней надо мнюв.
И я росла. Но так же, каждый год,
Весну встречала у ручьев шумящих.

Любля и звонкий шум, песенность
Алых вод,
Последний лед,
Хрустальный и багстающий.

Надежда ПОЛЯКОВА,
ученица 9-го класса 8-й школы
Ленинского района.

Ленинград.

говаривала с ними о футболе, ребята перебивали разговор на фотоблицфото.

Вообще фотографии стала каким-то бичом для «Напора». Мало того было много пушкеры, так теперь чуть ли не вся команда завела себе «флэш», «томпик», «кодаки» и ходила вместо тренировок на съемки. Три раза в неделю футболисты и камермены проводили спортивные занятия в созданном ими при команде фотокружке, а остальные дни недели они посвящали проявлению негативов и печатанию снимков.

Конечно, все это делалось нарочито, для того чтобы досадить левому крайнему, дабы доказать ему, как нехорошо его уважение и как велика его вина перед командой. Но нашему спортивному обществу от этого было нисколько не легче. «Фотоблицбачи» из «Напора» проигрывали один матч за другим, и мы вместо первой пятёрки попали в число аутсайдеров, то есть первых в конце.

Нашо было принимать какие-то решительные меры. Освежить линию нападения и главное — поставить на левый край нового игрока.

Однако пока мы подыскивали в младших командах подходящего человека на место левого крайнего, подошла день встречи «Напора» с «Гладиатором».

Как известно, у этих команд были свои давнишние спортивные счеты. «Напор» и «Гладиатор» принадлежали к старейшим клубам города и много лет подряд соперничали между собой на зеленом поле. Правда, «Гладиатор» был сильнее и считался нас. В последние годы он бесслесно находился в числе лидеров футбольного первенства, а то время как «Напор» еще ни разу не поднимал выше седьмого места. И все же, как бы хорошо «Гладиатор» ни шел в первенстве, у каких бы сильных команд он ни выигрывал матчи, игроки «Гладиатора», прозванные за чванливость «бойрами», всегда спотыкались на «Напоре». В этих встречах «бойры» прощались какое-то роковое несчастье. Первый раз «Гладиатор» проиграл «Напору» лет восемнадцать — двадцать назад, еще на заре своего существования. С тех пор и в нашей и в их команде сменялось не одно поколение футболистов. «Старик» уступил место молодежи, молодежь в свою очередь тоже «старилась» и уклоняла, но привычка побеждать «бойра» оставалась неизменной. Это было хорошей традицией нашего клуба, традицией, которой мы гордились, которую берегли и передавали от одного поколения спортсмена другому как самую дорогую для себя святыню.

Сила «Напора» была в его командности. Если в индивидуальной технике кое-кто из наших игроков и уступал «бойрам», то они всегда завоевывали дружбу «Напора» крепкой взаимосвязью его линий, товарищеской взаимопомощи игроков на поле.

К сожалению, все эти прекрасные качества были растеряны нашими «фотоблицбачами» в их съемки, теперь, конечно, никто — даже Б. Чуканов, самый незакомплектованный из бомбашников «Напора», — не сомневался в начальном исходе предстоящей встречи.

«Напор» должен был проиграть «Гладиатору», причем проиграть впервые за долгое время историю обоих клубов. Для чести нашего общества день этого матча был самым печальным днем спортивного сезона. Мы шли на стадион, как на похороны.

Уверенные в своей легкой победе «бойры» с самого начала тайма сели на наши ворота. Первый мяч они звали на себя минуте, второй — на двадцатой. Наша защита отбивалась героически, но что она могла сделать без помощи нападающих?

Такого позора мы еще никогда не испытывали. Прогреть два мяча за один тайм — и кому? — «бойрам!» «Старик» Чуканов не выдержал и, просясь вперед, ушел со стадиона, а Кузьма Макарян еше-де дождался перерыва, влетел в раздевалку, но, вместо того чтобы пробрать форвардов «с песочком», он смог сказать им только одну фразу:

— Кошкины слезы, мне и говорить-то с вами противно!

И ушел.

Второй тайм начался так же, как и предыдущий. Вся потеря форвардов играла влядо за исключением Протопова. Левый крайний старался изо всех сил скрывать счет. Он бегал почти за каждым мячом. И многие из этих мячей ему приходилось добывать чуть ли не у самых своих ворот. Никто из нас не подозревал, что у левого крайнего может быть столько спортивной злости — и к кому? — к «Гладиатору», к команде, которая на нам было известно, решила воспользоваться сложкой в «Напоре» и залучить короля мячей к себе. Но король, как видно, не собирался изменять нашему клубу. Он старался реабилитировать себя в глазах команды и бился сейчас на поле за честь «Напора» как один из самых верных его воспитанников.

Но единобогство, на футбольном поле, как известно, нехальк. Протопов обходо одного противника, а тому на помощь спешил второй. Он обманывал второго, у него отбирал мяч третий. И как Петр ни старался, сколько усилий он ни прилагал, добиться успеха без поддержки остальных форвардов было трудно.

А «бойры» продолжали теснить нашу защиту. Их бомбардировки дали свои плоды, и на двадцатой минуте в ворота «Напора» влетел третий мяч.

Когда наши форварды стянулись к середине поля, как и третий раз начекал, мяч у центра, их встреча какой олушительный свист, от которого даже у меня, человека, как будто невиновного в провинции, по всему телу пробежала мелкая испуганная дрожь.

Прерываю к «фотоблицбачам» было стоа единодушным, что ребята начали как будто бы немного отрезвляться. Правда, вначале они вали себе неуверенно, точно раздумывая, что же делать: влиться с Протоповым или нет. Но зрители на трибунах уже почувствовали, что переломный момент наступил и что достаточно только кому-нибудь из бузотеров первому протянуть руку на левый край, как

остальные тут же последуют его примеру.

Как и следовало ожидать, первым здесь оказался Степан Сазонов. Не то на пятнадцатой, но то на шестнадцатой минуте он принял передачу от Протопова, и, вместо того чтобы дать «свою», как это демонстрировали делами наши форварды во все последние матчи, Степа обменялся местами с левым крайним, вывел его на центр и, как в былые, хорошо известные моменты выложил ему эту правду в ноги. Вратарь «Гладиатора» Камальков не успел даже опомниться, как последовал удар, тот самый знаменитый протоповский удар, от которого вратарю ушли из за последних месяцев отключить. Мяч вошел в сетку метером, едва заметно изгнув боковую штангу.

Стадион дрогнул от восторженных криков и горячих аплодисментов, и вместе с аплодисментами влетали вздох, к нему бегле потовые капли. Это молодые болельщики «Напора» всосали туда, к дому, где живут рабочие нашего завода, радость восточку о восстановленной дружбе.

Акующиеся настроение трибуны моментально передалось «Напору». Ребята вспрыгнули духом и попали в стремительное наступление. Они буквально смыли защиту «Гладиатора», а наш левый крайний, воспользовавшись возникшей в рядах олушителя, постарался забить второй гол через пятьдесят секунд после первого.

В рядах «Гладиатора» началась самая настоящая паника. «Бойры» стянули в защиту всю команду, чтобы хоть как-нибудь сохранить свое преимущество. Инициатива в игре перешла к «Напору». Наши ребята только этого и ждали. Они атаковали ворота противника с таким ожесточением, точно метали «бойрам» не только за первый тайм, но и за фотоклуб и за все свои предыдущие неудачи в матчах с другими командами.

Особенно старались форварды. Соскучившись по хорошей, результативной игре, нападающие «Напора» штурмовыми комбинациями обходили защитников «Гладиатора», и как внимательно те ни сторожили Протопова, нашим ребятам все же в тайм удалось вывести его на ворота. Из семи ударов левого крайнего три закончились голами.

И хотя мы добились в этой встрече с «Гладиатором» тольконичего, эта ничья была нам дороже любой другой победы, ибо она помогла «Напору» с честью выйти из кризиса и сделала нашу команду еще более сильной.

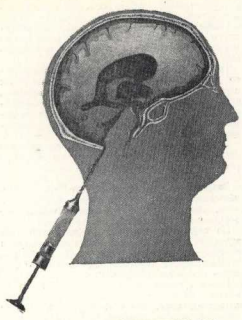
Сора была хорошим уроком для Петра Протопова. После всего происшедшего он задумался уже выступать на левом краю в роли молодого африкского тенора. Петр Протопов понял, что футбол — не обещание солистов, а команда, где каждый слыт только тогда, когда он чувствует радость около соседа.

И хотя король мячей попрощею делал себя между футболом и фотографией, однако теперь фотоаппарат уже не мешала ему быть не только талантливым футболистом, но и хорошим товарищем.

ВАРЬЕР

А. ЮГОВ

На рисунке в грубоэпителическом разрезе показана, каким способом противомозговая жидкость выводится в «облачную систему» мозга. Черное в середине белое — это масса вытекающих железистых, замкнутых спиново-мозговой жидкости.

1

«Ужель природа и высокий дух Балзыма никого не отыщут?» — обращается к Меристорелю доктор Фауст в негодование на то, что вынужден прибегнуть к волшебству, дабы вернуть молодость. Даже и в те дни, когда создана была первая часть «Фауста», оставалась еще непорочная часть алмазином, упорно пытавшаяся с помощью «словогазов» и «оживлений» получить «киннитоэссенцию» — волшебный эликсир молодости.

Классиство жаны и действовал в одно время с Лангуазе!

Со второй половины XIX века выдающиеся физиологи и врачи, не боясь больших обвинений в иезерности, вновь стали искать средства, препараты — одним словом, «облачки», которые могли бы молодить человека и предельно удлинить жизнь.

Ученый пошел не о каких-либо социально-гигиенических мероприятий, предвидение которых, как всем известно, способствовало удлинению жизни, а именно о веществах, которые можно было бы вводить в организм. В самых широких кругах известные поиски в этом направлении Брюн-Секара, Мечникова, Воронова, Штейнаха, Борданова.

Илья Ильич Мечников усматривал корень зла в саморазрушении организма продуктами типического брожения в толстых кишках.

Своей знаменитой простоквашей, бактериями молочно-кислого брожения он рассчитывал вывести из кишечника микробы, отравляющие организм.

Разделка взгляды Брюн-Секара, Штейнаха и Воронова достигали нестойкого омоложения, вернее, лишь задержания организма путем пересадки человеку молодых желез животного. Но старческий склероз, атрофия, атрофия клеток — они оставались. Так что веродиком следствием подобного омоложения, и по сей час довольно распространенного на Западе среди богатых, была лишь то, что по остроумному замечанию одного из физиологов, «сложившаяся старца выносили не из дома печали, а из дома усопелости».

А. А. Богданов считал, также ошибочно, что молодая кровь, переливаемая старику, должна омолаживать его.

Но вряд ли стоит говорить, что идеал евтаназии, то есть, смерти хорошей, блаженной,

физиологической, наступающей как естественное завершение предельно долгой и творческой исчерпанной жизни, — этот идеал до сих пор не достигнут. На 100 тысяч смертей приходится лишь одна смерть от старости.

— Природа дурно создала человека, — заключает свои рассуждения о преждевременной старости профессор И. И. Мечников. — И только своими руками он может усовершенствовать себя!

2

Известно, что алиансы в организме человека, то есть в организме, различных противоборствующих будто бы старения — «высоких ли гормонов, чужой ли крови, «мечниковской» ли простоквашы и т. п. — отнюдь не привело к его усовершенствованию и перестройке.

Организм — не пробирка! Он живой. Он система активная, саморегулирующаяся. Он строго соразмеряется попыткам сдвинуть его физиологический состав или его температуру. Пастерский пример — что есть в бане, или в зной, или же при тяжелой физической работе. Солозоль и водный состав тела колеблется лишь в определенных пределах.

Большая нечистоплотная ивиркуа в глубинах океана. Неисчислимы миллиарды тонн воды со всех сторон облеют ивиркуа, давит дожимая и что-то отдаст в нее. И это же? Разве столько ивиркуа и океанической воды одна и тот же? Конечно, нет. Какой-то избирательный барьер лежит между водой океана и протоплазмой ивиркуа. Таким барьером, ограждающих постоянно внутреннюю среду, гораздо больше у организмов высших.

Есть и еще одна крупнейшая ошибка во всех предпринятых доселе попытках борьбы со старостью. Ни кровь, ни подложная клетчатка, ни тем более желудок не есть тот орган, воздействуя на который можно вызвать столь длительные изменения во всех процессах организма, во всех его клетках, чтобы это и впрямь похоже усовершенствование его.

Желтым, пересаживание под кожу и как будто совсем уже приживаются, и то бесследно распадаются.

3

Получается злеть, дыхание, кровообращение, пищеварение, выделение солей и сахарный обмен, рост и развитие, бодрствование и сон — разве переключить все, что зависит от головного и спинного мозга, нервных узлов, а значит, в конечном счете, от нервной клетчатки? Ничтожный укол в «сендвич» мозговой цент — реакция изменяет содержание сахара в крови и в тканях. Укол в дыхательный центр — и паралич, смерть!

Казалось бы, вот на какой орган — на головной мозг с его прядками, на спинной мозг, корешки, на мозговую клетчатку, — и

нужно воздействовать, для того чтобы усовершенствовать весь организм.

Во-первых, само по себе мозг обладает в высокой степени способностью перестройки, совершенствования своих функций. Во-вторых, мозговая клетка способна суммировать истиннейшие раздражения и долго, долго сохранять их. И, в-третьих, как сказано, любые истиннейшие изменения в мозгу дают огромный и долго действующий резонанс в остальных клетках, органах, тканях.

Но разве лекарство, влитое прямо в кровь, в вену, не достигнет мозга? Оказывается, не всегда. Бром, и желуди привносят проникает в мозговую клетку, а «салцилла», и в кровь вливая, не попадает. Все мозговые клетки омываются не прямо кровью, а своей собственной питательной средой — спинномозговой жидкостью. Между поверхностью и оболочкой мозга, а также внутри него, в желудочках, эта спинномозговая жидкость циркулирует в таком количестве, что можно назвать ее притоком. Из этой жидкости, а не из крови непосредственно берет мозговая клетка питательные вещества, сода, а не прямо в кровь она возвращает продукты своего распада — метоболиты.

Старинный опыт Гольдмана. Он влил тысячную силушку в вену животного. И что же? Окрасились все органы, все клетки, и только мозговая клетка не приняла этой краски. Мозговая жидкость осталась прозрачной и светлой, как слеза.

Пограничный «этанокан», который из общей питательной среды, то есть из крови, одной вещества пропускает в спинномозговую жидкость, а другие — нет, дано название кровяно-мозговой, или гемато-инфильтрационной, барьера. Так называл его приспособившийся Лина Соломоновна Штегера — создательница учения о барьере.

4

Мозг — индотрога. Малейший недостаток кислорода — он уж и прекратил свою работу: обмороч. Парализована у индотрога в курение — как истинный для всех индотрога она работу мозга! Мозговые клетки не равноактивны, не то что клетки кожные или же кровяные те.

Как же все беречь, не обхоронить их? И миллионы лет животной эволюции выработали надежную защиту мозга: начиная от крепкой костной покровной черепи, кончая кровяно-мозговым барьером, который обрывает мозговые клетки от вредных веществ, уносящих проникнуть в кровь.

Опыты Штегера установили, что гемато-инфильтрационный барьер работает подобно клапану: инверсую из крови в спинномозговую жидкость он оказывает сопротивление, но зато для продуктов распада, для «лишних» клеток, обратная дорога открыта: они легко проникают в спинномозговую жидкость, уходят в кровь.

Академик Л. С. Штегера (слева) в лаборатории Института физиологии.

ТАНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

Майор П. КОЛОМЕЙЦЕВ

Двадцать восемь лет тому назад в английском военном министерстве поступил проект танка. Идея новой боевой машины оказалась такой плохой, что резолюция похоронившая проект, содержа в себе лишь два слова: «Изобретатель — сумасшедший».

Но вот в 1914 году вспыхнула империалистическая война. Быстро закончился ее маневренный (подвижной) период. Опутанные колючей проволокой, надежно защищенные огнем многочисленных пулеметов, войска противников застыли в окопы. Бесплодны были попытки разрушить танки укрепления с помощью артиллерийского огня и живой человеческой силы. Каждый шаг вперед стоил огромных жертв. У Ипра, например, в 1916 году англичане за 19 дней войны потеряли 250 тысяч человек.

кто-то ответил: «Друг, это как триждысли!» В этот момент связь прервалась. Тогда танк с сильным шумом пошел дальше, стреляя по все стороны из пулеметов и малокалиберных орудий, и исчез в естественной и искусственной тумане.» (лейтенант Лидинг).

«Теперь я хотел броситься на наши передовые позиции для спасения всего, что еще можно было спасти. Но тут внезапно раздался крик: «Танки!» На расстоянии около 300 метров из тумана вынырнула чудовища и начали ползти к нам. По ним немедленно была открыта сильнейший ружейный и пулеметный огонь, но безуспешно. Мой адъютант

тив танков растаял. Он буквально разбегался» (капитан Вебер).

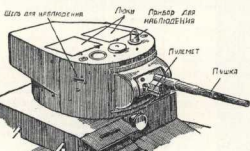
«Мы охвачены со всех сторон... Мы видим, как в нашем тылу, уже далеко позади, по полям шныряют неприятельские танки, атакуя тыла сопротивляясь и выгоняя людей из убежищ и как небольшими группами свечат по местности неприятельская конница. Спасемся ли мы вообще?» (лейтенант Френсис-Мейер).

Танки, участвовавшие в сражениях первой империалистической войны, были далеки от совершенства. Двигались они по полю боя со скоростью пешехода, довольно часто выбывали из строя из-за порчи механизма. Скверно чувствовали себя и танкисты. Внутри танка стояла невероятная жара, доходящая до 80 градусов по Цельсию. Воздух был насыщенный отработанными и пороховыми газами. Головокружение, тошнота, обмороки делали пребывание в танке невыносимым. Нередко экипаж танка даже под огнем противника вынужден был выходить наружу, чтобы хоть сколько-нибудь прийти в себя.

С тех пор прошло более двух десятилетий. Техника танкостроения шагнул далеко вперед: современный танк стал замечательной во всех отношениях боевой машиной. Скорость танка достигает теперь 50—60 километров в час

Танки-афиши в развале.

Башня танка.

Тогда-то и воскресает так легкомысленно отвергнутая в свое время идея танка. Уже в 1914 году танки появляются на поле боя. И сразу становится ясной огромная роль этого оружия наступления. Один из крупнейших танковых боев первой империалистической войны происходил 8 августа 1918 года у Амьена. Союзники бросили здесь в наступление более 500 танков. Вот как описывают это сражение немецкие офицеры — участники боя.

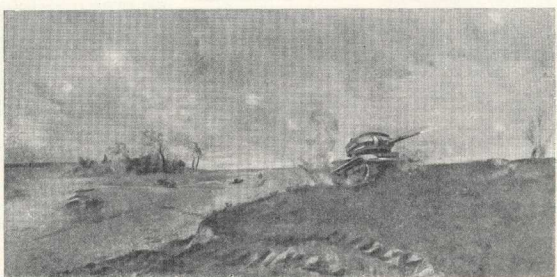
«Между 4 и 5 часами утра, после давшего несколько минут ураганного огня, началась атака.

«Внезапно артиллерийский огонь перенесся дальше, в глубину. Послышались крики, взрывы ручных гранат и звуки шума танковых моторов. Охранение — вперед, перед ротой еще нет никакого противника, но саена уже, как слышно, все занято. Томми!» (лейтенант Альберс).

«...Когда я вызвал штаб полка и передал: «Тревога, противник атакует, перед нашими блиндажами стоят танки», — мне

сказал мне, что в бинокль можно ясно видеть, как пули ударяются о стены танка...»

Передние танки подошли на расстоянии в 20—30 метров. Дальше нельзя было держаться. Батальон ввиду невозможности успешно бороться про-

Атака танков. С картины художника В. Менькова.

¹ Так называли немцы английских солдат.

ОШИБКА ФИРМЫ «ЭЙНЕМ»

В 1914 году шоколадная фирма «Т-во Эйнем» выпустила серию рекламных открыток «Москва будущего».

«Мы переносим мысленно, по мере наших сил и восторгов фантазии, в Москву-Москву через 200—300 лет...», — гласила фирма «Эйнем», — и нашему взгляду, на основе более или менее точных логических выводов, представляются следующие картины:

«...огромные здания... оживленные, шумные берега большой, сухопутной Москва-реки. По глубоким водам несутся огромные транспортные и торговые крейсера... Из-под мостовой вылетают длинные вагоны московского метрополитена...»

Здесь вы видите репродукцию с двух открыток фирмы «Эйнем». Вот что на них было написано:

1. Москва будущего, XXIII век.
Кремль, все так же украшает древнюю Исаковскую и с золотыми куполами представляется феерическое зрелище. Тут же, у Москворецкого моста, мы видим новые огромные здания торговых предприятний, трестов, обществ, синдикатов и т. д.

На фоне неба стройно складывают вагоны подземной воздушной дороги... У пристани готов испорхнуть легкая авиация.

Издание фирмы «Т-во Эйнем», 1914 г.

2. Москва будущего, XXIII век.

Длиной нефер, зубастая пасть, Сивуку нева чертит четкие линии сетапшиси аэропланов, дирижабелей и вагонов воздушной дороги. На-нова мостовой джаманки вылетают длинные вагоны московского метрополитена, о котором при входе в 1914 году мы видели странный образ доблестного русского генерала. По мосту над метрополитеном мы видим странный образ доблестного русского генерала, соединившего свои арты форты с нами и вренен.

Издание фирмы «Т-во Эйнем», 1914 г.

(на колесном ходу значительно больше), а дальность действия с одной заправкой горючим превышает 300 километров.

Более совершенным стадо и вооружение танков. Они вооружены новейшими скорострельными пушками, пулеметами и могут развить огонь большой мощи. Батальон пушечно-пулеметных танков в напряженный момент боя способен выпустить за одну минуту около 15 тысяч пуль и 300 с лишним снарядов.

Имеются и специальные танки с огнемётными установками. Такие танки применяются главным образом для истребления живой силы противника, укрывшейся в окопах, блиндажах и т. д. Подойдя на небольшое расстояние к цели, танк выбрасывает струю горючей жидкости. Эта жидкость сжигает на своем пути все, что может гореть.

В старых танках наблюдение велось сквозь узкие щели в броне, а это далеко не безопасно. Дело в том, что обломковые пули, ударяясь о

броне, разлетаются на мелкие кусочки. Такие металлические кусочки, проникнув через щель внутрь танка, попадают в глаза, в лицо танкиста. Поэтому раньше рекомендовалось строить по смотровым щелям танков противника. На этот способ поражения танкового экипажа теперь не приходится рассчитывать, так как у большинства современных танков щели для наблюдения открыты изнутри специальными увеличительными стеклами. Самое большее, что может сделать пуля, попавшая в такое стекло, это нарушить его прозрачность. Но танкист заменит испорченное стекло новым, и тем дело кончится.

Помимо смотровых щелей со стеклами танк снабжен еще оптическими приборами для наблюдения — перископами. Головка такого перископа выступает над броней танка, так что экипаж, находясь внутри машины, может видеть круговое наблюдение. Хорошая видимость, изолированность моторного отделения, создает внутри танка вполне сносные

условия для работы экипажа. Когда не ведется стрельба, то в танке чувствуешь себя не хуже, чем в машине М-1.

Важнейшее качество танка — подвижность. Для этого танк снабжен гусеничным двигателем (ходовая часть), который позволяет ему проходить там, где не пройдет обычная колесная машина. Легкие танки без особого труда преодолевают рвы, шириной свыше двух метров, берут вертикальные препятствия, высотой около 0,7 метра; могут проходить вброд реки, глубиной до одного метра.

Имеются специальные танки, которые переплывают реки, озера. Это так называемые танки-амфибии.

Мощность артиллерии, сила огня пулеметов, выскочка подлости, подвижность коинды — все это воплощено в танке и делает его ценнейшим оружием современного боя. Известно, какую роль, наряду с авиацией, сыграли танки в войне Германии с Польшей, а затем в сражениях во Франции. Широкое применение

танков позволяло придать боевым операциям огромный размах, вести instantaneous действия в невиданных до сих пор темпах. Достаточно сказать, что во время боя в Бельгии германские механизированные соединения продвинулись в среднем на 40—50 километров в сутки, а при преследовании французских войск (после падения Парижа) скорость их продвижения до 100 километров в день.

Танк — грозная сила. Без особого труда он может уничтожить пулеметы и живую силу противника. Но есть оружие, опаснее для танка, — артиллерия, в особенности противотанковая. Небольшая противотанковая пушка имеет все преимущество в борьбе с танком: она метко стреляет, ее легко заскоровать, сделать вышедшим для противника. Справиться с такой пушкой, — а в бою может быть много-один из танков — не под силу. Успешно бороться с артиллерией танки могут в том случае, если они действуют большими массами. Тогда, используя свою подвижность и мощь,

Как это ни странно, но «логические выводы» фирмы «Эйнем» оказались довольно точными.

Выгляните на снимок сверху — это один из уголков Москвы 1940 года. Река ослеп в гранит. Через нее переброшен новый, стальной мост, сохранивший лишь в силу исторической традиции название «Каменный».

Под этим высоким красивым мостом свободно проходят большие пароходы. В центре, на горе, виден Кремлевский дворец и Старинные башни. А слева высится массово-многоэтажные здания: Дом Совнарком, гостиница «Москва», — выстроенные на месте деревянных лабазов Охотного ряда. Справа, на набережной, огромной, занимающей целый квартал Дом правительства.

За годы революции неузнаваемо изменился не только этот уголок столицы: преобразился весь город. Идавно страна отмечала пятилетие Сталинского плана реконструкции Москвы. За последние пять лет в Москве выстроено 500 многоэтажных

домов, 379 школ, 400 детских садов и яслей, 29 больниц, 3 театра, 10 новых, прекрасных мостов соединит берега Москвы-реки.

После лучшего в мире метрополитена ежегодно перевозит 350 миллионов пассажиров. С московского аэродрома ежедневно вылетают десятки мощных пассажирских самолетов в разные города страны и мира.

Фирма «Эйнем» правдиво предсказала изменения, которые произойдут в Москве. Единась она лишь в сроках: не через 300, а всего только через 26 лет сказочно преобразился город. Ошибка произошла по той причине, что фирма не предусмотрела протараской революции капитализма. А при капитализме, повидному, для превращения купеческой, лабазной Москвы в культурный и красивый город действительно понадобилось бы 300 лет.

Конечно, рекламно-фантастические открытия «Эйнем» — исторический курьез, но курьез любопытный и поучительный.

танки способны разгромить противотанковую артиллерию противника.

Успех танковой атаки зависит от того, как плавно взаимодействуют танков с другими родами войск (пехотой, артиллерией, авиацией). Уничтожая при наступлении пехоты и другие огневые средства противника, танки прокладывают путь своей пехоте. Та в свою очередь помогает танкам преодолевать препятствия: огнем своих пулеметов, минометов и прочего оружия пехота уничтожает присущую неприятельским противотанковым пушкам. Большую помощь танкам оказывает артиллерия. Она мощным огнем прикрывает их движение, уничтожает противотанковые средства противника.

Летая над полем боя, самолеты обстреливают и бомбят те цели, которые находятся вне досягаемости оной артиллерии и танков батальон, противотанковые пушки, резервы неприятеля. Помимо этого летчики по радио или с помощью условных знаков указывают танкам важные цели, распо-

ложенные за укрытиями, находят танки на эти цели.

В этом и состоит сущность взаимодействия танков с другими родами войск. Все они, выполняя общую задачу, помогают друг другу, и поэтому их натиск имеет сокрушительную силу.

Роль танков не ограничивается непосредственной поддержкой пехоты, когда эти войска действуют в бою плечом к плечу. Крупные механизированные соединения, куда, помимо танков, входят моторизованная пехота, артиллерия и вспомогательные войска, могут решив самостоятельно задачи. Такие соединения, нанося мощные удары, проникают глубоко в расположение войск противника и этим создают благоприятные условия для окружения и уничтожения неприятеля. Важно только, чтобы успех танков был быстро использован другими войсками. Для этой цели в первую очередь служит моторизованная пехота. Она, следуя за танковыми миссиями, или действует вместе с ними, закреп-

ляет их успех, завершает окружение и полный разгром противника.

Удары танков тесно связаны с действиями авиации. Она расширяет путь механизированным соединениям. В результате непрерывных воздушных атак стойкость противника может быть поколеблена еще до того, как его атакуют танки.

Во взаимодействии с механизированными соединениями действуют также парашютные десанты. Их помощь главным образом выражается в том, что они захватывают переправы через реки и танки бесостановочно движутся вперед.

Такова в общих чертах роль танков в современном бою.

Огромное значение танков теперь признается всеми. На них перестали смотреть лишь как на вспомогательное оружие пехоты. Танки действуют вместе с ней, но уже по-иному, не так, как в 1918—1919 годах. В нынешней войне немцы показали образцы использования танковых масс.

Потерпев крах французская тактика, отводящая танкам скромную роль, когда они, лишь сопровождая пехоту в бою, фактически привязываются к ней и терпят свою полнейшую гибель. Французская армия насчитывала примерно около 5 тысяч танков. Но французские танки ни по своему качеству, ни по организации (у французов не было достаточного количества крупных соединений) и самостоятельным действиям не были приспособлены. Поэтому они были по частям разгромлены мощными немецкими механизированными соединениями. Судя по газетным сведениям, в сражениях в Вальгем и во Фрэнкии с немецкой стороны участвовало 7 или 9 тысяч танков и бронетранспортной.

Танк не скрывая еще своего последнего слова. Тактика полагается о том, чтобы сделать эту машину неуязвимой для огня артиллерии, увеличить ее продолжительность. Тактика будет искать, еще лучших методов использования танков в бою.

Телемеханикой я увлекаюсь давно. В этом году мне задалось построить действующий макет пункта береговой обороны, который управляется с помощью телемеханики.

...Вот раздается сигнал боевой тревоги. Командир подходит к вертушке, самой обыкновенной, такой, какая бывает на телефонно-автоматах, и начинает набирать номера. Он набирает номер 2—и в пункте береговой обороны из-под земли подымается ДОТ. Набирает номер 002—и гаснет макет. Набирает номер 3—и в воздух подымается самолет...

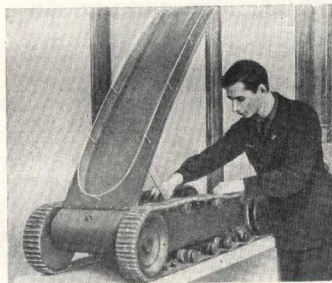
Так, набирает определенные номера и комбинации номеров, командир отдает приказания, которые автоматически выполняются с помощью телемеханического устройства.

Мой макет выполняет десять команд: ДОТ подымается из-под земли и опускается; макет вращается, останавливается, гаснет, зажигается; катапульта выбрасывает в воздух самолет и т. д.

ИВАН ЧИСТЯКОВ,

ученик 10-го класса 32-й школы Октябрьского района

Ленинград

Мысль о постройке радиоуправляемой наземной торпеды пришла мне в голову этой зимой, в разгар боев Красной Армии с финской белоохранительной. Мне казалось, что для уничтожения ДОТ, мостов, складов, противотанковых препятствий должна быть создана специальная, очень подвижная боевая машина, обладающая большой результирующей силой. Такой машиной мне представлялась наземная торпеда.

Она движется с огромной скоростью (120 километров в час). Болота, реки — не являются для нее препятствием. Благодаря своей подвижности она почти неуязвима. Управляется торпеда на расстоянии.

На верхней части торпеды располагается десант, который в 100—150 метрах от цели выскакивает и раскидывается в пень. Торпеда продолжает двигаться вперед и, достигнув цели, взрывается и поражает ее. После этого начинает действовать высидыющийся недалеко десант.

Модель этой сухопутной торпеды я и построил с помощью моих товарищей-школьников.

ИСАК МЕДВЕДЕВ,

ученик 8-го класса 23-й школы Сосновинского района

Ленинград

Шахматы

Отдел ведет Л. Гугель

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОНКУРС «СМЕНЫ»

Задача № 156
Р. Г. Пономарев (Москва)
4 поч. отгыз.

Задача № 157
А. Малышев и А. Шмаков
(С. Шары)
5 поч. отгыз.

Белые, начиная, дают мат в два хода.

ЗАДАЧИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Задача № 158
П. Шпилевой
(Кировград)

Задача № 159
С. Пугачев
(Минусинск)

Задача № 160
Б. Розенblatt
(Прокуров)

Белые, начиная, дают мат в два хода.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

О РАЗМЕНАХ

Современный размен является совершенно правильным стратегическим приемом. Например в стесненных позициях стороне, владеющей меньшим пространством, как правило, бывает выгодно упростить игру. В следующей позиции, получающейся в известном варианте испанской партии, 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Ch5 Kf6 4. 0—0 d6 5. d4 Cd7 6. Kc3 Ce7 7. Le1 e2 8. K: d4 0—0—преимущество белых не вызывает сомнений.

9. Cg5 возможно K: d4 10. Ф: d4 C: b5 11. K: b5 b6 12. Ch4 Le8 13. Jlad Kf7. 14. C: e7 Ф: e7 и черные могут без труда подготовить занятие сильно центрального пункта e5 и уже имеют возможность маневрировать.

Исходя из принципа, что размен выгоден стороне, владеющей меньшим пространством, немецкой шахматист Тарраш предложил в позиции, изображенной на диаграмме, ходы 9. Cf1 и 9. Kd2, цель которых — избежать невыгодных болы упрощений. И тот и другой ход вполне оправдали себя в серьезной турнирной практике.

Так же телескообразна и игра на упрощение при наличии материального преимущества. С каждым разменом уменьшаются шансы слабейшей стороны на атаку, и с каждым разменом партия приближается к зидничло, где даже лишняя пешка может сыграть решающую роль. Имен значительный перевес, часто бывает даже выгодно отдать часть фигур, лишь бы добиться перехода к конечной стадии партии.

Черные фигуры расположены на последних горизонталях и поэтому не могут маневрировать.

Слон e7, ладья f8, ферзь e7 и не имеют ходов. В этих условиях естественно, что размен несколькими легкими фигурами значительно облегчит им положение черных. Например в ответ на

Например в следующей позиции, возникшей в 10-й партии матча 1940 года Керес — Эйве, белые имеют три хороших пешки. Однако позиция короля не безопасна. Керес сыграл 23. Фc7 Л1: e3 24. Фd2 g6 25. Фg5 Лh3 26. Ф: h4. Белые не жалели даже еще одной пешки. Без ферзя шансов черным на атаку равны нулю, и белые без помех могут идти в ферзи пешками ферзевого фланга: 26. ... Л1: h4 27. Лd4 Л0: h2 28. Сг3 Сe8 29. e4 Лf6 30. Л1 (разменная еще ладью) 30. Л1: h1 + 31. С1: h1 Крh8 32. Сd7; белые выиграли.

Разумеется, нельзя слепо следовать указанному принципу. В некоторых положениях несмотря на материальное преимущество нет смысла менять фигуры. Зачем, например, упускать игру и переходить в эндшпиль, если еще в середине партии можно заматовать противника.

Например в следующей позиции на партии Столбергер — Чеховер (полуфинал парижского СССР, Киев, 1940 год) белые, имея лишнее качество, могут перейти в эндшпиль. Однако они правильно оценили позицию, решив, что размен ферзей выигран только черным, которые очень трудно за-

щипаться от атаки. Партия продолжалась: 30. Фf2 Лc7 31. Лd5 Фc6 32. Фh4 Крf7 33. Лад8 Крg6 34. Лh8d8 Фh7 35. e5 Лf6 36. Л: e6 Ф: e6 37. Лd6 Фe7 38. Фd3 + Крh6 39. Л1: f6 + Сg6 40. Фb6 (говорь размен выигран, так как пешка проходит в ферзи) 40. Фe8 41. e6, и черные вскоре сдались.

Приведенный пример из партии Столбергер — Чеховер показывает кроме того, что размен бывает выигран стороне, находящейся под атакой. Однако, если это положение правильно в отношении ферзей, без которых очень трудно создать атакующие построение, то к размену другими фигурами надо подходить очень осторожно. Каждый размен уменьшает не только ресурсы атакующей стороны, но в то же время ослабляет и защищающегося. Поэтому всегда необходимо тщательно продумать каждый размен, точно оценить значение каждой атакующей и защищающей фигуры.

Вот какая позиция получалась в партии лодзиского турнира 1938 года Кольский — Герстенфельд.

Белые: Крe2, Фe2, Лf1, g3, Кd4, п. a3, b4, e3, f2, h3.
Черные: Крg8, Фh4, Лf6, f8, Кf3, п. a7, c6, d5, e4, g7, h7.

У черных атака на королевском фланге, и поэтому, казалось бы, им надо избежать разменов. Черные, однако, учли, что ладья g3 является превосходной защитницей белого короля. Поэтому размен этой ладьи на атакующую ладью черных вполне целесообразен. Партия продолжалась 29. ... Лg6! 30. Лf1 К: d4 31. Л1: d4 Сг3 32. Фe1 Фh6 33. b5 Лf1: g3 34. fg Л: e3 35. Фf2 Лf3, и черные выиграли.

Можно было бы привести множество примеров, где размен играл важную техническую роль.

Мастер С. Белавенев

КАК Я СОСТАВИЛ ЗАДАЧУ

Я решил составить задачу двухходовку, в которой было бы несколько вариантов с перекрытием и блокированием. Я избрал следующую схему:

Защищаясь от угрозы 2. Фe4X, черные могут сыграть 1. Лd5 Cd5, Сe2 и Лe5, на что соответственно последуют маты 2. Ке6, Кh5, Сe3 и Фd3. Три первых варианта осложнены перекрытием, последний — блокированием. Но на ходы 1. ...Лe1 и Лe6 ответ придумать трудно. Поэтому необходимо повернуть доску на 90° по часовой стрелке (так, чтобы поле a1 стало полем h1) и на h5 поставить черную пешку. Для того же, чтобы ход 1. ...Лe3 не за-

щипал от угрозы, можно, ссылаясь на а1, поставить белую ладью на a4 и черного коня — на c4. Но в этом случае не удастся мат 2. Кd2. Его можно заменить матом 2. Сd3, для чего необходимо добавить черную пешку f3.

Теперь схема свободна от дефектов и можно приступить к обработке задачи.

Белые: Фg5, Лa4, Сe2, Кb3. Черные: Крe4, Лd8, h3, Cf2, Кc4, п. f3.

Коня с b3 лучше поставить на e6. Затем нужно добивать Лb3 и Кg6.

Теперь осталось только найти первый ход и устранить возможные побочные решения.

Если коня с g6 поставить на f4, то первым ходом будет 1. Кf4—g6. Но на 1. Сd3 кроме 2. Сг3, можно дать мат и 2. Лe3. Для устранения этого дефекта достаточно поставить на d1 первого коня. Интересно, что 1. ...Л1: b5 + не решает задачу из-за 1. ...Сd5!

и 2. Сd3 не будет матом, так как белый ферзь еще не исключен на поле e3. В этом случае хода 1. Кf4—g6.

Последним шагом будет нахождения места для белого короля.

Лучшим местом для него будет поле a1. Для этого нужно только переставить белую ладью с h3 на e3 (для защиты короля от шаха 1. ...Сd4 +).

Наконец, для улучшения рисунка задачи всю позицию можно перевернуть на один ряд вверх.

И в окончательном виде задача будет выглядеть так:

Л. Файвукинский

XXIX КОНКУРС «СМЕНЫ»

СОСТАВЬТЕ САМИ ЗАДАЧУ

Наш XXIX конкурс имеет не совсем обычное для наших читателей задание. По схеме, которая приведена на диаграмме, нужно составить двухходовую задачу.

Сутью этой схемы в следующем: защищаясь от угрозы,

черные слон, ладья и кони вступают на поле e6. При 1. ...Лe6 перекрывается слон и белые дают мат, используя это перекрытие, при 1. ...Сe6 перекрывается ладья и при 1. ...Кe5—либо слон, либо ладья, либо и слон и ладья вместе! Решить это предоставляется участникам конкурса. А может быть, кому-нибудь удастся добавить четвертое перекрытие на поле e6!

Срок присылки задач — 15 октября 1940 года. Лучшие пять задач будут премиярованы.

ОТВЕТЫ НА ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЧАЙНВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 7 «СМЕНЫ»

1. Нигара. 2. Азия. 3. Япония. 4. Ямайка. 5. Арканзас. 6. Сахалин. 7. Нинсарага. 8. Англия. 9. Янк. 10. Кабул. 11. Лейшиан. 12. Гвиздукут. 13. Шамо. 14. Орел. 15. Лагос. 16. Страсбург. 17. Гольфстрим. 18. Майн. 19. Нордик. 20. Калифорния. 21. Ярму. 22. Тибет. 23. Таймир. 24. Родос. 25. Синоп. 26. Памир. 27. Рига. 28. Америка. 29. Арарат.

